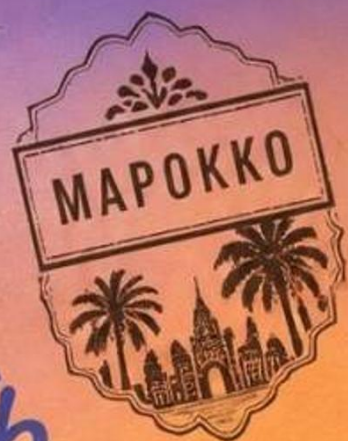

АНДРЕЙ КОРШУНОВ

Время
исполнять
мечту

ИСТОРИЯ О ТОМ,
КАК УСЛЫШАТЬ СЕБЯ

Андрей Коршунов

Время исполнять мечту. Марокко

«Автор»

2026

Коршунов А.

Время исполнять мечту. Марокко / А. Коршунов — «Автор»,
2026

Он оставил офис, продал квартиру и уехал в Марокко, чтобы открыть кафе у океана. Но нашёл гораздо больше — людей, ставших семьёй, любовь и себя настоящего. История о борще и тажине, о море и апельсинах, о смелости жить так, как мечтал.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Сделка	6
Глава 2. Счета и соседи	9
Глава 3. Чай у Фатимы	11
Глава 4. Вода, свет и первые трещины	14
Глава 5. Лавка Ахмеда и первый слой краски	16
Глава 6. Список и рынок	19
Глава 7. Стены и люди	22
Глава 8. Меню на двоих	25
Глава 9. Разговор на пороге	28
Глава 10. Новая крыша	30
Глава 11. День первый	32
Глава 12. Первые волны	34
Глава 13. Под звёздами	36
Глава 14. Второй повар	38
Глава 15. Песня Абдула	39
Глава 16. Сальма	41
Глава 17. Свадьба на побережье	43
Глава 18. Волна заказов	45
Глава 19. Места Анны	47
Глава 20. Выездная кухня	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Коршунов

Время исполнять мечту. Марокко

Пролог

Алексей никогда не думал, что будет стоять на краю африканского порта с двумя чемоданами, в которых была вся его жизнь на данный момент.

Самолёт приземлился в Касабланке, оттуда — шесть часов на автобусе до Эс-Сувейры. Он ехал и смотрел, как за окном меняется мир: сначала каменные джунгли большого города, потом — плоские поля, оливковые рощи, и вдруг — океан. Тёмно-синий, с белыми барашками волн, он появился справа и больше не отпуская.

В Екатеринбурге сейчас, наверное, шёл дождь со снегом. Здесь — солнце, ветер и запах соли, смешанный с ароматом жареной рыбы и водорослей. Алексей вдохнул полной грудью и почувствовал, как что-то внутри, сжатое годами офисной жизни, медленно распрямляется.

Он вспомнил лето в Сочи у бабушки: раскалённая галька на пляже, сладкий запах инжира с соседского дерева, бабушкины руки в муке, когда она лепила хинкали с бараниной. Ему было десять, и он впервые сам пожарил рыбу на костре. Рыба получилась наполовину сырой, наполовину обугленной, но счастье было абсолютным. Именно тогда он впервые сказал, что когда-нибудь откроет кафе на берегу моря.

— Ты сначала школу закончи, мечтатель, — смеялась бабушка, но глаза её были тёплыми.

Теперь, спустя двадцать пять лет, он стоял на берегу другого моря — точнее, океана — и собирался сдержать детское обещание.

На автовокзале его встретил парень лет двадцати пяти с табличкой «Aleksi». Он улыбался так широко, будто они были старыми друзьями.

— Меня зовут Саид! Мне сказали, вы из России? У нас здесь есть русские туристы, но мало. Я учил английский в школе, но забыл. Зато знаю слово «водка» и «Гагарин»!

Алексей невольно рассмеялся. Он не помнит, когда слышал такой искренности.

— А я знаю слово «шокран» — спасибо, — ответил он, вспомнив фразу из разговорника, который купил в аэропорту.

Глава 1. Сделка

Саид припарковал старенький «Рено» у высоких крепостных стен и заглушил мотор. Ветер с океана ударил в лобовое стекло, и машина слегка покачнулась.

— Приехали, месье Алексей! — объявил он с гордостью, будто лично построил этот город. — Улица Скала. Самая лучшая улица в Эс-Сувейре. Здесь всё настоящее: порт, рыбаки, чайки. И ваше кафе — прямо за углом.

Алексей вышел из машины и огляделся. Узкая улочка, мостовая из крупного камня, белёные стены с облупившейся штукатуркой. Над дверями висели вывески: «Chez Fatima», «La Table Bleue», «Café du Port». Пахло жареной рыбой, мятой и нагретым солнцем камнем. Вдалеке шумел порт: крики грузчиков, скрип лебёдок, хлопанье парусов.

Он вдруг почувствовал, как сильно колотится сердце. Вот оно. То самое место, о котором он думал последние полгода, лёжа без сна в своей квартире.

— Пойдёмте, я вас познакомлю с хозяином, — Саид уже шагал вперёд, размахивая руками. — Его зовут Хассан. Он старый, немного ворчливый, но хороший человек. Только не соглашайтесь сразу на его цену. Он любит торговаться, как все марокканцы.

Алексей усмехнулся. Торговаться он умел — ему приходилось вести переговоры похлеще, чем на восточном базаре.

Они свернули за угол, и Алексей увидел маленькое двухэтажное здание, прижавшееся к крепостной стене. Его фасад был выкрашен в блёклый голубой цвет, ставни — в зелёный. Над дверью висела деревянная вывеска с выцветшей надписью: «Café La Mouette». Алексей перевёл машинально: «Кафе “Чайка”». Что-то ёкнуло внутри. Он не верил в совпадения, но это название — «Чайка» — как будто ждало его.

Дверь была приоткрыта. Изнутри доносился стук молотка и чьё-то недовольное бормотание на арабском.

— Хассан! — крикнул Саид, постучав по косяку. — Я привёл покупателя. Русского!

Из темноты вышел пожилой мужчина в потёртой феске и сером халате. Его лицо было испещрено морщинами, как карта древних дорог. Он окинул Алексея подозрительным взглядом.

— Русский? — переспросил Хассан с сильным акцентом. — Из России? У нас в порту раньше бывали русские корабли. Моряки пили чай и пели грустные песни.

— Он не моряк, — поспешил вставить Саид. — Он хочет купить твоё кафе.

Хассан хмыкнул и скрестил руки на груди.

— Это не просто кафе. Это моя жизнь. Сорок лет назад я купил его у одного француза, который торговал вином. Потом мы с женой делали лучший рыбный тажин на всём побережье. А теперь она умерла, и я слишком стар, чтобы стоять у плиты.

Он говорил медленно, с достоинством, но Алексей уловил в его голосе грусть. Такая знакомая интонация — так говорят люди, потерявшие что-то важное.

— Можно посмотреть? — спросил Алексей тихо.

Хассан пожал плечами и жестом пригласил войти.

Внутри было сумрачно и прохладно. Кафе оказалось небольшим: зал на шесть столиков, барная стойка из тёмного дерева, по стенам — старые фотографии в рамках, покрытые пылью. На одной — молодой Хассан с женой, оба смеются. На другой — группа рыбаков с огромным тунцом. Пахло старым маслом, мятой и морем.

Алексей обошёл зал, провёл рукой по стойке. Дерево было тёплым, настоящим. Он подошёл к окну, выходившему на узкую улочку, а затем — к кухне. И тут у него перехватило дыхание.

Из окна кухни открывался вид на океан.

Синяя гладь, белые гребни волн, разбивающиеся о камни прямо под стеной. Вдалеке — рыбацкие лодки, похожие на бумажные кораблики. Чайки парили в восходящих потоках ветра, и их крики смешивались с шумом прибоя.

— Вот оно, — прошептал Алексей, не заметив, что говорит вслух.

— Что? — переспросил Хассан, вошедший следом.

— Это моё место. Я его искал.

Хассан внимательно посмотрел на него, будто пытаясь понять, серьёзно ли этот русский говорит или просто играет в мечтателя.

— Кафе требует ремонта, — сказал он, отводя взгляд. — Крыша течёт, плита старая, холодильник работает через раз. Но стены крепкие. И вид — да, вид хороший. Жена говорила, что этот вид делает любую еду вкуснее.

Алексей кивнул. Он уже прикидывал в уме, сколько потребуется денег и времени. Сначала — ремонт, потом — закупка оборудования, наём персонала. Привычные алгоритмы заработали в голове, как старый компьютер.

— Сколько вы хотите? — спросил он прямо.

Хассан назвал сумму. Алексей мысленно перевёл в рубли и поморщился. Это было почти всё, что у него оставалось после продажи квартиры.

— Я дам вам на двадцать процентов меньше, — сказал он твёрдо. — С учётом ремонта и того, что холодильник не работает.

Хассан усмехнулся, показав щербатые зубы.

— Ты умеешь торговаться, русский. Ладно. Минус десять процентов, но ты также получаешь все столы, стулья и старый эспрессо-аппарат. Он, как и я, капризный, но если с ним поладить — работает.

— Минус пятнадцать, и я не трогаю ваши фотографии на стенах, — ответил Алексей, вспомнив, как важно иногда уступить в мелочах, чтобы выиграть в главном.

Хассан нахмурился, пожевал губами и вдруг протянул руку:

— Согласен. Пятнадцать.

Алексей пожал сухую жилистую ладонь. Сделка состоялась.

Саид, стоявший у двери, расплылся в улыбке:

— Поздравляю! Теперь вы настоящий эс-сувейрец. Осталось только починить крышу, нанять повара и не сойти с ума от местной бюрократии.

Хассан хлопнул Саида по плечу:

— Помолчи, мальчишка. Дай человеку помечтать. Все остальное подождёт до завтра.

Алексей подошёл к окну и снова посмотрел на океан. Впервые за долгое время он почувствовал, что находится на своём месте. И одновременно — что впереди у него прорыв работы.

— Спасибо, Хассан, — сказал он, не оборачиваясь. — Я позабочусь о вашем кафе.

— Это уже твоё кафе, — поправил старик. — И да поможет тебе Аллах. Или кто там у вас, русских.

— Чайка, — улыбнулся Алексей. — У нас есть Чайка.

Он не знал, что первая настоящая проблема уже стояла на пороге, и имя ей было — неоплаченные счета за свет и воду, которые накопились за последние месяцы.

После сделки, когда рукопожатие с Хассаном уже состоялось и ключи от кафе оттягивали карман, Алексей позвонил хозяину квартиры, которую забронировал ещё из России. Мишель, француз, живущий в Эс-Сувейре последние пятнадцать лет, прислал адрес и короткое сообщение: «Заходите, дверь будет открыта. Если что-то не так — стучите соседям, они покажут».

Квартира оказалась в трёх минутах ходьбы от кафе, в переулке за рыбным рынком. Узкая лестница, пахнувшая известью, привела на второй этаж. Внутри было чисто и просто: светлые стены, деревянный пол, старая кровать с латунными спинками, стол у окна и крошечная кухня с газовой плитой. На подоконнике стояла жестянка с сушёной лавандой. Алексей оставил чемо-

даны у двери, подошёл к окну и распахнул ставни. Внизу, в синих сумерках, уже загорались первые фонари. Пахло рыбой, дымом и горячим хлебом. Он улыбнулся и впервые за долгое время почувствовал, что может просто лечь спать.

Глава 2. Счета и соседи

Утро началось с того, что в кафе не оказалось света.

Алексей пришёл рано, ещё до восьми, с рюкзаком, в котором лежали блокнот, ручка и термос с кофе, купленный в первой попавшейся лавке. Кофе оказался густым, сладким и пах кардамоном — совсем не так, как обычно делают в его любимом кафе в России. Он сделал глоток, поморщился от непривычной сладости, но решил, что к этому можно привыкнуть.

Кафе встретило его тишиной и запахом пыли. Вчера, в полумраке, оно казалось почти уютным. Теперь же, при дневном свете, проникавшем сквозь щели в ставнях, стали видны все его изъяны: трещины на стенах, пятна сырости в углу, сколотая плитка за барной стойкой. Но зато окно на кухне — то самое, с видом на океан — сияло, как картина в дорогой галерее.

Алексей подошёл к выключателю. Щёлкнул раз, другой — ничего. Затем проверил пробки: старый щиток висел у входа, весь в паутине. Автоматы были подняты, но счётчик не мигал.

— Чёрт, — пробормотал он.

Он знал, что электричество могли отключить за неуплату. Но надеялся, что Хассан всё же оставил хоть какой-то запас. Увы.

Достал телефон, чтобы позвонить Саиду, но вспомнил, что не сохранил его номер. Сохранил только адрес кафе и имя продавца. Вчера всё произошло слишком быстро: сделка, рукопожатие, ключи, прощание. Он даже не уточнил, какие именно счета висят на объекте.

Алексей вышел на улицу. Утро в Эс-Сувейре пахло свежим хлебом, солью и нагретой пылью. По мостовой сновали мальчишки с тележками, гружёнными лепёшками и ящиками с рыбой. Из соседней лавки доносился аромат специй — острый, тёплый, почти осязаемый.

Через два дома от кафе он заметил пожилого марокканца, который сидел на деревянном ящике у стены и неторопливо чистил апельсин. Одет он был в выцветший голубой халат, на ногах — стоптанные сандалии, на голове — вязаная шапочка, несмотря на жару. Рядом стояла клетка с канарейкой, которая звонко пела, не обращая внимания на шум порта.

— Ас-саламу алейкум, — сказал Алексей, вспомнив приветствие из разговорника.

Старик поднял глаза, удивлённо посмотрел на него и кивнул:

— Ва алейкум ас-салам. Ты новый хозяин кафе? Я видел вчера, как ты торговался с Хассаном.

Он говорил по-французски, но медленно, с сильным арабским акцентом, из-за чего слова звучали чуть резче, чем Алексей привык слышать в учебных аудиозаписях. Сам Алексей знал французский на разговорном уровне. В Марокко французский всё ещё оставался языком торговли, вывесок и общения с иностранцами, хотя между собой местные чаще говорили на дарижа — стремительном, гортанном, почти неуловимом для уха приезжего.

— Да. Алексей. Из России, — ответил он, стараясь выговаривать слова чётко.

— Абдул, — представился старик и протянул ему дольку апельсина. — Держи. Отличный апельсин. Сладкий, как первый поцелуй.

Алексей взял дольку. Она действительно оказалась невероятно сладкой, с лёгкой горчинкой у цедры.

— У меня нет света, — сказал он, прожевав. — И, кажется, воды тоже. Вы не знаете, куда идти?

Абдул рассмеялся, обнажив ряд белых зубов — неожиданно ровных для его возраста.

— Иди в муниципалитет. Там сидит один человек, Ясин. Скажи, что от Абдула. Он поможет. Только не забудь взять с собой бумаги и терпение.

Алексей присел на корточки рядом с Абдулом. Прямо напротив, в просвете между домами, блестел океан. Волны с шумом накатывали на камни, и этот звук немного успокаивал.

— Ладно, — сказал он наконец. — А где этот муниципалитет?

Абдул отправил в рот ещё одну дольку апельсина и махнул рукой куда-то в сторону крепостной стены.

— Иди прямо до большой площади с финиковыми пальмами, потом сверни налево у мечети. Там увидишь белое здание с флагом. Но сначала зайдём к Фатиме. У неё лучший мятный чай на всей улице. С пустым желудком в муниципалитет нельзя.

Алексей хотел возразить, что у него нет времени на чай, но промолчал. Он уже начинал понимать: в этом мире спешка не решает ничего. А вот хорошее слово и стакан горячего чая — иногда важнее любой бумаги.

Он пошёл за Абдулом по узкой улочке, и впервые за утро позволил себе расслабиться. В конце концов, он приехал сюда не для того, чтобы снова куда-то бежать и кому-то что-то доказывать. Он приехал, чтобы варить кофе и смотреть на океан. А для этого нужно сначала включить свет.

Глава 3. Чай у Фатимы

Чайная Фатимы оказалась крошечной комнаткой, спрятанной в переулке за рыбным рынком. Внутри было сумрачно и прохладно. Стены, выкрашенные в густой синий цвет, напоминали грот, а единственное окно выходило на каменную стену соседнего дома. Но запах — сладкий, мятный, с ноткой дыма — сразу окутал Алексея, едва он переступил порог.

За стойкой, заставленной жестяными банками с чаем и стеклянными стаканами, стояла женщина лет пятидесяти с седыми прядями, выбившимися из-под платка. Она ловко переворачивала лепёшки на раскалённой сковороде и что-то напевала себе под нос. Увидев Абдула, она всплеснула руками:

— Абдул! Ты привёл гостя? Да ещё и иностранца!

— Это Алексей, — представил старик, усаживаясь на низкий диван у стены. — Он купил кафе у Хассана.

Фатима прищурилась, вытирая руки о передник.

— У Хассана? Того самого? Ну, смелый человек. Кафе хорошее, только давно стоит без души. Может, русский вдохнёт в него жизнь.

Алексей сел рядом с Абдулом, чувствуя, как пружины старого дивана прогибаются под ним. Он хотел ответить что-то вежливое, но не успел — Фатима уже поставила перед ними два стакана с золотистым чаем, в котором плавали веточки мяты. Стаканы были горячими, и Алексей осторожно взял свой, глядя, как пар поднимается к потолку.

— Пей, — сказал Абдул. — Это не просто чай. Это лекарство от всего: от усталости, от злых мыслей, от глупой спешки.

Алексей сделал глоток. Чай был обжигающим, сладким и одновременно свежим. Мята раскрывалась во рту, как прохладный ветер, и он невольно зажмурился.

— Нравится? — спросила Фатима, наблюдавшая за ним с улыбкой.

— Очень, — честно ответил он. — У нас в России чай пьют по-другому: чёрный, крепкий, иногда с лимоном. А здесь... как будто солнце в стакане.

Фатима рассмеялась:

— Хорошо говоришь. Значит, поладишь с нашим городом.

Абдул тем временем разломил лепёшку и протянул половину Алексею.

— Ешь. И слушай, что я скажу про Ясина. Он человек не плохой, но хитрый. Любит деньги, но не только ради денег — ему важно чувствовать, что он нужен. Если придёшь к нему с гордым видом, он сделает вид, что занят до следующего года. Если попросишь по-человечески, расскажешь о своей мечте — он растает и поможет быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

Алексей кивнул, откусывая хлеб. Лепёшка была тёплой, с хрустящей корочкой, и пахла дымом.

— А по-французски он говорит? — спросил он.

— Говорит, — Фатима махнула рукой. — Как все в муниципалитете. Только быстро, и половина слов — арабские. Ты не стесняйся, если чего не поймёшь, скажи ему, чтобы повторил. Он сам любит поговорить, так что даже рад будет.

Алексей допил чай, чувствуя, как тело наполняется теплом. Впервые за утро тревога отступила. Он всё ещё не знал, как решит проблему со светом и водой, но рядом был Абдул, который, кажется, знал всех в этом городе, и Фатима, готовая угостить лепёшкой просто так, без причины. Это было странно, непривычно — и хорошо.

— Пойдём, — Абдул поднялся, отряхнул крошки с халата. — Пока солнце не поднялось высоко, дойдём до муниципалитета.

Они вышли на улицу. Ветер с океана усилился, и Алексей поёжился — после горячего чая он казался особенно колючим. Узкие улочки петляли между белёными стенами, на которых

сушились рыбацкие сети. Где-то кричал муэдзин, и его голос разносился над городом, как призыв к чему-то большему, чем просто день.

Муниципалитет оказался двухэтажным зданием с облупленной штукатуркой и выцветшим флагом над входом. У дверей толпились люди: кто-то держал папки, кто-то просто стоял, обмахиваясь газетой. Внутри было душно и шумно, как на вокзале в час пик.

Абдул уверенно провёл Алексея на второй этаж, в маленький кабинет, где за столом, заваленным бумагами, сидел мужчина лет сорока пяти с аккуратно подстриженными усами и в белой рубашке с закатанными рукавами. Он что-то писал, не поднимая головы, и лишь когда Абдул кашлянул, поднял глаза.

— Абдул! — расплылся он в улыбке. — Сколько лет! Ая думаю, кто это ко мне в такую рань?

— Ясин, познакомься, это Алексей. Из России. Купил кафе на улице Скала.

Ясин отложил ручку и оглядел Алексея с явным любопытством.

— Россия! О, у нас в Эс-Сувейре когда-то жил один русский. Он учил детей музыке. Хороший был человек. А ты, значит, кафе? Дело хорошее, но хлопотное.

Алексей кивнул и, как советовал Абдул, заговорил просто и открыто:

— Я знаю, что на кафе остались старые счета. Хочу оплатить и чтобы свет и воду включили на моё имя. Помогите, пожалуйста.

Ясин вздохнул, откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

— Эх, месье Алексей, это не так просто. Сначала нужно подать заявление, потом приложить копию договора, потом ждать, пока проверят счётчик, потом приедет инспектор... — он сделал паузу, наблюдая за реакцией. — Но для вас, как для друга Абдула, можно ускорить. За небольшое вознаграждение, разумеется. Не для меня лично — для ускорения процесса. Вы же понимаете?

— Сколько? — спросил он спокойно.

Ясин понизил голос и назвал сумму. Она была не такой уж большой — меньше, чем стоил ремонт одной стены. Алексей кивнул.

— Договорились. Но я хочу, чтобы уже завтра у меня был свет.

Ясин поднял брови, изображая удивление, но затем улыбнулся:

— Уже завтра? Ну, ты не из робких. Сделаю, что смогу. Свет, может, и завтра. Вода — послезавтра. Но это если повезёт.

— Значит, повезёт, — сказал Алексей и протянул ему руку.

Ясин пожал её, и Алексей почувствовал, как сухая, тёплая ладонь сжала его пальцы — крепко, по-деловому.

— Приходи завтра в это же время, — сказал Ясин. — И не забудь взять копию договора. Без неё никуда.

Алексей поблагодарил, стараясь правильно произнести арабское «шокран». Ясин одобрительно кивнул.

Когда они вышли из муниципалитета, Абдул хлопнул Алексея по плечу:

— Ну вот, а ты боялся. Ясин — мужик с понятиями. Деньги взял — значит, дело сдвинется. Не то что некоторые в других кабинетах: берут и потом пропадают.

Алексей посмотрел на небо — голубое, прозрачное, с редкими облаками, похожими на следы от самолётов.

— Спасибо, Абдул. Без тебя бы я долго плутал.

— Сочтёмся, — Абдул подмигнул. — Лучше скажи, что будешь готовить в своём кафе. Я слышал, русские умеют делать суп из свёклы. Это правда?

— Борщ, — улыбнулся Алексей. — Обязательно научу твою Фатиму.

Абдул расхохотался так, что проходившая мимо женщина с корзиной рыбы покачала головой.

— Ну, это будет война! Фатима не отдаст свою кухню никому. Но попробовать твой борщ я не откажусь.

Алексей вдруг представил, как однажды угостит Абдула настоящим русским борщом, сваренным на берегу океана, и от этой мысли стало легко. Впереди ещё было много дел: ремонт, счета, люди, документы. Но сейчас, на этой пыльной улице, под шум порта, он чувствовал, что всё возможно.

Глава 4. Вода, свет и первые трещины

Алексей проснулся рано, ещё до того, как солнце успело нагреть стены. В квартире было тихо, только где-то внизу, во дворе, ворковали голуби. Он полежал немного, глядя в белёный потолок, потом встал, умылся ледяной водой — бойлер, как назло, ещё не нагрелся — и выглянул в окно. Узкая улочка уже оживала: торговец лепёшками толкал перед собой тележку, мальчишка бежал с корзиной рыбы, женщина развешивала бельё на верёвке, протянутой между домами.

Алексей натянул старую футболку, взял рюкзак и вышел. У него был план на день: проверить, включили ли свет и воду, а затем начать искать людей для ремонта. Он знал, что в одиночку с кафе не справится, но и не собирался просто сидеть сложа руки.

Квартиру он снял на месяц, ещё из России, и этот срок теперь висел над ним, как напоминание, что нужно действовать. За месяц он должен был не только привести кафе в порядок, но и найти постоянное жильё. Впрочем, последнее пока подождёт.

Кафе встретило его всё той же пылью и запахом старого масла. Алексей щёлкнул выключателем — лампочка под потолком мигнула и загорелась. Свет был. Он улыбнулся, но тут же подошёл к крану на кухне. Вода из трубы вырвалась с шипением, рыжей и холодной, а затем потекла чище. Он подождал, пока струя станет прозрачной, и выключил.

— Ну, хоть что-то, — пробормотал Алексей.

Он обошёл кафе с блокнотом, записывая всё, что требовало ремонта. Крыша текла в углу, над барной стойкой. Плитку в зале нужно было местами переложить. Деревянные ставни рассохлись и держались на честном слове. А ещё — старая газовая плита, которая, по словам Хассана, «иногда работает», выглядела так, будто собиралась развалиться при первом же прикосновении.

Алексей провёл рукой по неровной стене и вдруг вспомнил, как в детстве помогал отцу строить дом в пригороде Сочи. Ему было лет двенадцать, он таскал доски, месил раствор, держал уровень, пока отец клал кирпичи. От него пахло цементом и потом, но он был счастлив. Именно тогда Алексей впервые понял, что умеет работать руками — и что это доставляет ему удовольствие.

Теперь эти навыки могли пригодиться. Конечно, он не собирался в одиночку чинить крышу или менять проводку, но мелкую работу — покраску, шпаклёвку, сборку мебели — вполне мог взять на себя.

Он вышел из кафе и отправился на поиски Саида. Тот вчера оставил ему свой номер на клочке бумаги, но Алексей, как обычно, забыл его в квартире. Оставалось надеяться, что парень сам появится — у него был талант возникать в нужный момент.

Так и вышло: не успел Алексей дойти до конца улицы, как услышал знакомый голос за спиной.

— Месье Алексей! Доброе утро! Я как раз шёл к вам!

Саид выглядел так, будто только что выиграл в лотерею. На нём была ярко-жёлтая футболка с надписью на английском «No Stress», которая совершенно не вязалась с его возбуждённым видом.

— Свет уже включили? — спросил он, догоняя Алексея.

— Включили. Вода есть, но напор слабый. Ясин обещал, что к вечеру всё будет.

— Ясин всегда обещает, — Саид закатил глаза. — Но иногда делает. Да, без рабочих тут не обойтись.

— Нужны. Для ремонта. Крыша, плитка, покраска. Часть я сделаю сам, но без помощников не обойтись.

Саид на секунду задумался, почесал затылок.

— Я знаю одного мастера. Его зовут Дрисс. Он делал ремонт в доме моей тётки. Неплохо кладёт плитку и берёт недорого. Но он, как это сказать... немного медленный. Если скажете «сделай за три дня», сделает за неделю. Зато честно.

— А кто может быстро сделать крышу? — спросил Алексей.

— Крышу — только Хафид. Он старый, но лучший. Только уговорить его непросто: он говорит, что старые дома не любят спешки. Но если ему понравится, что вы не из тех, кто хочет всё снести и построить заново, он согласится.

Алексей кивнул. Ему нравилось, что в этом городе у каждого мастера была своя философия. Это чем-то напоминало детство, когда соседский дядя Толя чинил забор по три дня, зато потом этот забор стоял десять лет.

— С чего начнём? — спросил Саид, готовый действовать прямо сейчас.

— С уборки, — ответил Алексей. — Нельзя ремонтировать то, что не очистил от грязи. А заодно посмотрим, что там с мебелью.

Они вернулись в кафе. Саид, несмотря на свою суетливость, оказался неплохим помощником: таскал вёдра, отмывал окна, смеялся, когда Алексей ругался по-русски на сломавшуюся ручку двери. Через час в зале стало заметно светлее, а в воздухе вместо пыли запахло мылом и свежестью.

Алексей вытер пот со лба и огляделся. Впервые кафе начинало походить на место, где можно готовить и встречать гостей.

— Теперь нужно найти Дрисса и Хафида, — сказал он. — И ещё купить краску, цемент и пару мешков штукатурки.

— Я знаю, где всё это дёшево, — оживился Саид. — Пойдёмте, тут недалеко, у порта есть лавка старого Ахмеда. Только не говорите ему, что вы русский, а то он начнёт рассказывать про советские корабли и поднимет цену.

— А если сказать, что я из Сибири? — улыбнулся Алексей.

— Тогда он вообще откажется продавать, потому что решит, что вы иностранец с деньгами. Лучше молчите, а я буду торговаться.

Алексей усмехнулся и пошёл за Саидом. Он всё ещё не до конца понимал правила этой страны, но одно знал точно: если рядом есть человек, который готов помочь от чистого сердца, дело обязательно сдвинется.

Они вышли на улицу, где солнце уже заливало белёные стены, и направились к порту. Впереди было много работы, но Алексей чувствовал не усталость, а азарт. Ему впервые за долгое время хотелось пачкать руки и строить.

Глава 5. Лавка Ахмеда и первый слой краски

До порта идти было минут десять. Солнце поднялось выше, и тень от крепостной стены стала короткой, почти исчезла. Саид шагал впереди, ловко лавируя между тележками с рыбой и кучками соли, рассыпанной на мостовой. Алексей старался не отставать.

Лавка Ахмеда оказалась в полуподвальном помещении с низким потолком и запахом, в котором смешались краска, керосин, пыль и что-то сладкое, похожее на инжир. Вдоль стен стояли деревянные стеллажи, заставленные банками, вёдрами, мотками верёвок и пакетами с сухими смесями. Сам хозяин, маленький сухонький старик с седыми усами и в очках, сползших на кончик носа, восседал за прилавком, перебирая какие-то гвозди в жестяной коробке.

— Ахмед, мир тебе! — громко поздоровался Саид. — У меня есть покупатель. Ему нужно много всего.

Ахмед поднял глаза, оглядел Алексея с ног до головы и прищурился.

— Иностранец? — спросил он подозрительно.

— Да, но хороший, — быстро сказал Саид. — Он открывает кафе на улице Скала. Будет делать ремонт.

— Кафе? Это которое Хассана? — Ахмед снял очки и протёр их о рукав. — Сорок лет я знаю Хассана. Он приходил ко мне за краской ещё при старом короле. А теперь продал. Ну что ж, всё течёт, всё меняется.

Саид начал перечислять, что им нужно: цемент, штукатурка, краска для стен, грунтовка, кисти, валик, шпатели, ведро, растворитель. Ахмед слушал, кивая, потом назвал цену. Саид ахнул, схватился за голову и начал торговаться, размахивая руками. Алексей стоял рядом, стараясь не вступать, как и договорились.

Но когда Ахмед назвал цену за краску, Алексей не выдержал.

— Да ты что, старик, совсем уже! — вырвалось у него по-русски.

Ахмед замер. Его глаза расширились.

— Русский? — переспросил он. — Ты русский?

Алексей осёкся, но было поздно.

— Русский, — повторил Ахмед, и вдруг лицо его расплылось в улыбке. — Ну наконец-то! Я же говорю, русские возвращаются! В семидесятых у нас в порту стояли советские корабли. Моряки приходили ко мне за керосином для ламп. Один, по имени Володя, научил меня слову «хорошо». И ещё «давай-давай».

Он рассмеялся, показывая щербатые зубы.

— Значит, ты из России. Ну, тогда для тебя скидка. Только не потому, что ты иностранец, а потому, что русские умеют работать. Я видел, как они чинили свои корабли прямо в море. Без жалоб, без отдыха.

Саид, облегчённо выдохнув, подмигнул Алексею. Торг возобновился, но теперь Ахмед сам снизил цену, добавив в общую кучу ещё пару кистей и старый валик.

— Бери, пригодится. И вот, возьми ещё банку лака для дерева. У Хассана стойка вся разохлась. Покроешь — будет как новая.

Алексей поблагодарил. Они с Саидом погрузили всё в арендованную тележку — Ахмед одолжил её за символическую плату — и покатали обратно к кафе.

Внутри было по-прежнему пусто, но уже не так сумрачно: Саид настезь распахнул ставни, и солнце залило зал. Алексей разложил инструменты, осмотрел стены и решил начать с малого — снять старую краску, которая шелушилась, как кожа после долгой зимы.

Он работал шпателем, счищая слой за слоем. Пыль летела в лицо, щекотала нос. Саид, напевая что-то на дарижа, выносил мусор и подметал пол. Через час они оба стали похожи на призраков — белые от пыли, но довольные.

— Нужно позвать Дрисса, — сказал Саид, вытирая лоб рукавом. — Он мастер по плитке. Пусть посмотрит кухню.

— Давай, — согласился Алексей. — Только сам с ним поговори. Я пока зачищу стену за стойкой.

Саид убежал. Алексей остался один. Он подошёл к окну на кухне, открыл его настежь. Ветер с океана ворвался внутрь, принеся запах соли и йода. Волны сегодня были ленивыми, длинными, с белыми гребешками. Чайки сидели на парапете и смотрели вниз, на рыбаков, разбирающих сети.

Алексей достал из рюкзака бутылку воды, сделал несколько глотков. Потом снова взял шпатель. Работать было тяжело, но приятно. Каждое движение руками отзывалось в мышцах давно забытым чувством — так бывает, когда возвращаешься к тому, что любил в детстве.

Он вспомнил, как они с отцом строили дом в пригороде Сочи. Отец, большой, сильный, с мозолистыми ладонями, учил его мешать раствор: «Не жалея цемента, сынок, но и не клади слишком много — треснет. Во всём нужен баланс». Алексей тогда был мальчишкой и думал, что строительство — это скучно. Теперь, стоя в старом кафе на африканском берегу, он впервые понял, что отец учил его не только цементу.

Через полчаса вернулся Саид. За ним в кафе вошёл невысокий мужчина лет сорока с круглым лицом и спокойными, слегка сонными глазами. Одет он был в простую серую рубашку и свободные штаны, на голове — плоская кепка.

— Это Дрисс, — представил его Саид. — Лучший плиточник в Эс-Сувейре.

— Ну, не лучший, но хороший, — поправил Дрисс и улыбнулся. Он говорил по-французски медленно, с мягким акцентом. — Покажи, где нужно класть плитку.

Алексей повёл его на кухню. Дрисс осмотрел пол, стены, потрогал старый кафель, постучал по нему костяшками пальцев.

— Плитку на полу придётся менять. Стены можно оставить, но кое-где отремонтировать. Работа на неделю, если не торопиться.

— А если торопиться? — спросил Алексей.

— Тогда на две недели, — невозмутимо ответил Дрисс. — Потому что спешка портит цемент.

Саид рассмеялся и перевёл ответ, хотя Алексей и так понял. Этот человек ему нравился: в нём не было суеты, но была уверенность.

— Сколько? — спросил Алексей.

Дрисс назвал цену. Она была умеренной, и Алексей согласился.

— Начну завтра утром. Сегодня привезу инструмент и посмотрю, что нужно докупить. А ты, — он кивнул на стену, — продолжай зачищать. Неплохо получается для русского.

Алексей улыбнулся. Похоже, его происхождение здесь знали уже все.

Дрисс ушёл, а Алексей и Саид снова взялись за работу. К вечеру стена за барной стойкой была очищена, а в углу выросла аккуратная горка мусора. Алексей чувствовал боль в плечах, но она была приятной, как после хорошей тренировки.

Когда солнце начало клониться к закату, в дверях появился Абдул. Он держал в руках поднос с тремя стаканами мятного чая.

— Фатима просила передать, — сказал он, входя. — Сказала, что вы сегодня много работали и заслужили.

Они сели прямо на перевёрнутые ящики у входа, пили чай и смотрели, как небо над океаном становится сначала золотым, потом розовым, потом густо-синим. С улицы пахло жареными сардинами и дымом. Где-то рядом зазвучала флейта, и её тонкая, пронзительная мелодия поплыла над крышами.

— Завтра начнётся настоящий ремонт, — сказал Саид, потягивая чай. — Придёт Дрисс, принесёт цемент. Будет шумно, пыльно, зато быстро.

— Дом не любит суеты, — ответил Абдул, цитируя то ли Дрисса, то ли кого-то ещё. — Но когда хозяин вкладывает душу, дом отвечает.

Алексей посмотрел на кафе. В сгущающихся сумерках оно уже не казалось заброшенным. В нём появилось что-то живое — может, из-за вымытых окон, может, из-за запаха свежей штукатурки, а может, из-за того, что здесь теперь были люди, которые верили в его будущее.

— Завтра продолжим, — сказал он. — Спасибо вам.

— Не за что, — Абдул поднял стакан. — За твоё кафе, русский. Пусть в нём всегда пахнет едой, а не пылью.

Они чокнулись стаканами, и чай, уже не такой горячий, но всё ещё сладкий, разлился по губам.

Алексей вернулся в квартиру, когда на небе уже проступили первые звёзды. Он принял душ — вода, как ни странно, была тёплой — и сел у окна. Где-то внизу лаяли собаки, а с океана дул ровный, спокойный ветер. Он достал телефон, открыл фотографию из Сочи: бабушка, инжировое дерево, старый дом.

— Вот видишь, ба, — тихо сказал он. — У меня тоже будет дом. Просто немного дальше, чем ты думала.

И он впервые за долгое время заснул без снов, с чувством, что день прожит не зря.

Глава 6. Список и рынок

Утро снова началось с чаек. Они носились над крышами, крича так, будто впервые увидели океан. Алексей лежал в кровати, слушал их и улыбался. Этот звук больше не раздражал — он стал частью его нового мира.

Он быстро умылся, выпил кофе из маленькой кастрюльки, которую нашёл на кухне, и отправился в кафе. На улице было свежо, солнце только поднималось из-за горизонта, и тени от домов лежали длинные, прохладные.

У дверей кафе уже стоял Дрисс. Он привёз на старой тележке мешки с цементом, плитку и несколько вёдер.

— Я же говорил, что приду рано, — улыбнулся он, увидев Алексея. — На кухне нужно снять старый пол. Сегодня начну.

— Я помогу, — сказал Алексей.

Дрисс покачал головой:

— Ты хозяин. Хозяин должен думать о том, что будет внутри, а не месить раствор. Но если очень хочешь, можешь подавать плитку.

Алексей усмехнулся. Ему нравился этот человек: спокойный, с чувством собственного достоинства, но без высокомерия.

Они вошли внутрь. Саид прибежал через полчаса, запыхавшийся, с пакетом лепёшек и куском козьего сыра.

— Завтрак для работников! — объявил он.

Перекусили быстро, прямо на перевёрнутых ящиках. Дрисс ушёл на кухню, и вскоре оттуда послышался мерный стук молотка. Алексей достал блокнот и начал составлять список необходимого оборудования. Он писал по-русски, чтобы быстрее, и время от времени спрашивал Саида, как что называется по-французски.

Список выходил внушительный:

Плита газовая, промышленная, с двумя конфорками и грилем.

Холодильник большой, с морозильной камерой.

Кофемашина (можно б/у, но надёжная).

Посуда: тарелки, стаканы, чашки, кастрюли, сковороды, ножи, разделочные доски.

Стол и стулья (частично уже есть, но нужно обновить).

Барная стойка (отшлифовать, покрыть лаком).

Кассовый аппарат или просто ящик для денег.

Мелкая утварь: чайники для мятного чая, подносы, салфетницы.

— Много всего, — вздохнул Саид, заглядывая через плечо. — Но половину можно купить на рынке Аль-Хад. Там продают всё: от старых дверей до кастрюль.

— А кофемашину?

— Тоже. У одного человека есть две, одна сломана, но её можно починить. Я узнаю.

Алексей кивнул. Он не собирался закупать всё сразу — сначала нужно закончить ремонт, но прицениться уже стоило.

— Что с продуктами? — спросил он. — Где закупать рыбу, овощи, специи?

Саид оживился:

— Рыбу лучше всего брать прямо в порту, у рыбаков. Это дёшево и свежо. Овощи — на рынке Маркана, там самые честные торговцы. А специи — у Азиза, его лавка рядом с Фатимой. Он знает всё о травах и пряностях, и если ему понравится, будет давать скидку.

— А мясо?

— Мясо реже. В Эс-Сувейре больше рыба. Но баранину можно найти в мясной лавке на улице Скала, её держит семья Аль-Хабиб. Хорошее мясо, но дорогое.

Алексей записал названия. Потом он подумал о хлебе. В Марокко хлеб пекли везде, но для кафе нужен был постоянный поставщик.

— Хлеб я могу брать у пекаря на соседней улице, — предложил Саид. — Он печёт лепёшки и багеты. Французский багет у него получается лучше, чем у французов.

— Отлично.

Они вышли на улицу. Солнце уже припекало, и запах рыбы усилился. Саид повёл Алексея в порт.

Порт встретил их гомоном. Рыбачьи лодки, вытасканные на берег, лежали кверху днищами, как спящие киты. Рыбаки чинили сети, разбирали улов, кричали друг другу. В воздухе пахло солью, водорослями и свежей рыбой. Чайки сидели повсюду: на столбах, на лодках, на плечах у стариков.

Саид подвёл Алексея к группе мужчин, стоявших у деревянного стола, где лежали серебристые сардины, кефаль и что-то, похожее на маленьких акул.

— Это Юнес, — сказал Саид, указывая на высокого жилистого мужчину с обветренным лицом и белыми зубами. — Лучший рыбак на всём побережье.

Юнес оглядел Алексея, улыбнулся:

— Русский, который купил кафе Хассана? Я слышал. Говорят, ты умеешь готовить.

— Надеюсь, — ответил Алексей по-французски. — Мне нужна рыба. Свежая, каждый день, по утрам. Сардины, кефаль, тунец, если будет. И осьминог иногда.

Юнес задумался, пожевал губами.

— Приходи каждое утро к семи. Что останется после продажи оптовикам — твоё. Но первые две недели предоплата. Потом видно будет.

— Договорились, — Алексей пожал ему руку.

Затем они отправились на овощной рынок. Там было шумно и ярко. Горки помидоров, перцев, баклажанов, пучки мяты и кинзы, корзины с апельсинами и лимонами. Торговцы зазывали покупателей, расхваливая товар. Саид привёл Алексея к прилавку полного мужчины с усами, как у моржа.

— Это Халид. У него всегда свежие овощи.

Халид поприветствовал их, и Саид начал объяснять, что Алексей открывает кафе и будет брать овощи оптом. Халид расплылся в улыбке:

— Для хорошего человека — хорошая цена. Но посмотрим, как пойдёт дело. Пусть сначала кафе заработает, а потом я решу, давать ли скидку.

Алексей улыбнулся. Здесь все были осторожны, но не враждебны.

Потом была лавка специй Азиза. Маленькое помещение, заставленное мешками и банками, пахло так, что кружилась голова: корица, тмин, паприка, имбирь, шафран, кумин. Азиз, худой мужчина с пронзительными глазами, молча выслушал Алексея и насыпал в маленькие пакетики образцы.

— Попробуй. Если понравится, вернёшься. Я дам тебе смесь для рыбы, для тажина, для чая. Но ты должен знать, что специи любят уважение. Их нельзя бросать в блюдо как попало.

— Я умею, — сказал Алексей. — Бабушка учила.

Азиз удивлённо поднял брови, но ничего не сказал, только кивнул.

К вечеру Алексей вернулся в кафе уставший, но с чувством выполненного долга. Дрисс уже снял половину старой плитки на кухне. На полу лежали ровные ряды новой, и в воздухе пахло цементом и надеждой.

Саид убежал домой, а Алексей сел на порог и стал смотреть на океан. В голове шумело от новых имён, адресов, цен. Но впервые он чувствовал, что дело сдвинулось. Кафе обретало очертания.

Подожёл Абдул с неизменным чаем. Протянул стакан:

— Ну, как рынок?

— Живой, — ответил Алексей. — Очень живой.

— Это хорошо. Значит, и кафе будет живым. Люди это любят.

Они помолчали. Где-то в порту зажглись фонари, и их жёлтый свет рассыпался по воде. Алексей думал о завтрашнем дне: нужно закупить краску, договориться о мебели, может быть, найти помощника на кухню. Впереди было много работы, но он больше не боялся.

Он допил чай и поднялся.

— Завтра опять рано вставать, — сказал он.

— В этом городе все встают рано, — ответил Абдул. — Даже лентяи. Потому что утром океан даёт силу.

Алексей улыбнулся и пошёл домой. Улицы уже опустели, только из-за ставен слышались тихие голоса и звон посуды. В его квартире пахло всё той же лавандой, и он, не зажигая света, лёг на кровать и закрыл глаза.

Перед ним поплыли образы: рыбак Юнес с серебристой сардиной в руке, горы помидоров на рынке, глаза Азиза над мешками со специями. И он, стоящий за барной стойкой в своём маленьком кафе на краю Африки.

Всё это было уже не мечтой. Это было планом.

Глава 7. Стены и люди

К концу второй недели ремонта Алексей перестал удивляться тому, что его руки пахнут краской, а под ногтями — цемент. Он почти не вспоминал о прошлой жизни, где дни были расписаны по минутам, а стресс стал привычным фоном. Теперь его мир сузился до кафе, рынка и коротких вечеров на пороге с мятным чаем.

Дрисс закончил пол на кухне. Плитка легла ровно, с едва заметным уклоном к сливу, как и положено. Алексей сам помогал ему резать края, и Дрисс, глядя на его работу, одобрительно кивнул:

— Неплохо. Видно, что руки любят и умеют работать.

Это была высшая похвала, и Алексей принял её с гордостью.

Стены в зале он красил сам. Два слоя тёплой белой краски, которую Ахмед продал со скидкой. Саид в это время отмывал окна и старую барную стойку, а затем покрывал её лаком. Запах стоял густой, сладковатый, и Алексей подумал, что это запах обновления.

Один раз случилась неприятность: ночью прошёл дождь, и вода снова протекла через крышу — как раз в том углу, который ещё не успели починить. Утром Алексей обнаружил на свежеекрашенной стене жёлтое пятно. Он выругался по-русски, долго и смачно, а потом позвал Хафида.

Хафид пришёл на следующий день. Это был сухой старик с длинными руками и взглядом человека, который знает о домах всё. Он забрался на крышу, походил, постучал по балкам, спустился и сказал:

— Крыша течёт не потому, что старая, а потому, что за ней давно не ухаживали. Я поме-
няю стропила и переложу черепицу. Это займёт три дня.

— А если дождь? — спросил Алексей.

— Дождя не будет, — уверенно ответил Хафид. — Океан сказал.

Алексей не понял, шутит он или нет, но решил довериться. И действительно, три дня стояла ясная погода, а на четвёртый, когда Хафид закончил, снова пошёл дождь — и на этот раз внутри было сухо.

К началу третьей недели кафе преобразилось. Стены сияли свежей краской, пол блестел, барная стойка отливала тёмным лаком. Старые фотографии Хассана, которые Алексей обещал не трогать, он аккуратно протёр и повесил на прежние места. Окно на кухне теперь было чистым, и океан из него выглядел как гигантская живая картина.

Оставалось главное — люди. Алексей понимал, что один он не справится: нужен был помощник на кухню, а в идеале — повар, который знает местную кухню лучше него.

— Повар? — Саид задумался, когда Алексей поделился с ним этой мыслью. — У нас на улице Скала есть одна женщина, Лейла. Она готовит так, что пальцы оближешь. Раньше помогала своей тёте в кафе у порта, но та умерла, и кафе закрылось. Лейла сидит без работы, но все знают, что она отлично готовит тажин и кускус.

— Почему же её никто не нанял? — удивился Алексей.

— Потому что она с характером, — Саид усмехнулся. — Не любит, когда ей указывают. Но если с ней по-хорошему, она горы свернёт.

Алексей попросил Саида устроить встречу. На следующий день к кафе подошла девушка лет тридцати. Она была невысокой, с густыми тёмными волосами, собранными в узел, и серьёзным, немного настороженным взглядом. Одежда на ней была простая, но опрятная. В руках она держала корзинку с травами.

— Это Лейла, — представил Саид и тут же отошёл в сторону, делая вид, что ему срочно нужно проверить петли на двери.

Алексей поздоровался по-французски. Лейла ответила коротко, но вежливо. Голос у неё был низкий, спокойный.

— Мне нужен повар, — сказал Алексей. — Точнее, человек, который умеет готовить местную еду и не боится работы.

— Я умею, — сказала Лейла без тени хвастовства.

— Тогда расскажи, что ты готовишь. Не в общем, а конкретно. Что у тебя получается лучше всего?

Лейла чуть прищурилась, будто решая, стоит ли тратить слова. Потом заговорила — негромко, но так, что сразу стало ясно: она знает, о чём говорит.

— Тажин из рыбы. Беру свежую кефаль или морского окуня, мариную в лимоне, чесноке и кумине. На дно — картофель, морковь, помидоры, сладкий перец. Рыбу кладу сверху, добавляю оливки, маринованный лимон, кинзу. Закрываю крышкой и не открываю, пока не поймёшь по запаху, что готово. Рыба получается сочной, овощи пропитываются соком, а соус остаётся густым. Подаю с хлебом, чтобы макать.

Она сделала паузу, но Алексей не перебивал.

— Кускус по пятницам. Готовлю его на пару, в специальной кастрюле, не варю. Бульон — на баранине, с нуттом, тыквой, кабачками. Каждую пятницу у нас в доме собирались родные, и мать всегда говорила: кускус — это не еда, а повод быть вместе.

Лейла отвела взгляд, но продолжила:

— Ещё харира. Густой суп на чечевице и нуте, с томатами, рисом, сельдереем. Его я варю в Рамадан, когда вся семья ждала разговения. Туда не жалею кинзы и лимона. Некоторые добавляют муку для густоты, а я — нет. Она должна быть насыщенной сама по себе.

Алексей слушал и невольно представлял эти блюда. В её словах не было ни пафоса, ни желания произвести впечатление, но именно поэтому они звучали убедительно.

— А что тебе самой нравится готовить? — спросил он.

Лейла на секунду задумалась.

— Пастилью. Это долго, но ради неё не жалко времени. Тонкое тесто, начинка из курицы или голубя, миндаль, корица, сахарная пудра сверху. Сладкое и солёное в одном блюде. Не каждому это удаётся — не пересластить, не пересушить. Я училась у тётки. Она говорила: «Если пастилья получилась, значит, у тебя есть терпение. А без терпения на кухне делать нечего».

Она замолчала. Алексей понял, что перед ним не просто повар, а человек, для которого еда — способ говорить о мире.

— Хорошо, — сказал он. — Приходи завтра. Приготовишь что-нибудь на пробу. Если понравится — останешься.

Лейла кивнула.

— Но я не работаю с теми, кто кричит на кухне.

— Я не кричу.

— И не ношу фартуки с рюшами.

Алексей улыбнулся.

— Фартук выберешь сама. Хоть чёрный, хоть без него. Главное — чтобы еда была честной.

Лейла едва заметно улыбнулась в ответ.

— Тогда до завтра.

Она ушла, что-то подсказывало Алексею: этот человек не подведёт.

На следующий день Лейла пришла рано, с корзиной, полной продуктов. Алексей дал ей свободу на кухне, а сам занялся залом. Через час запахло так, что у него заурчало в животе.

Когда тажин был готов, они сели за один из столиков. Лейла сняла крышку с глиняной посуды, и пар, пахнувший рыбой, лимоном, оливками и кинзой, поднялся к потолку. Алексей попробовал. Вкус был ярким, глубоким, с лёгкой остротой и свежестью.

— Это великолепно, — сказал он честно.

Лейла не улыбнулась, но в её глазах что-то блеснуло.

— Значит, остаюсь. Но имей в виду: у меня свои представления о том, как должна выглядеть кухня.

— Принято, — ответил Алексей. — Меню будем составлять вместе. Я хочу смешать русскую кухню с марокканской.

— Борщ? — Лейла вдруг произнесла это слово с таким акцентом, что Алексей не сразу понял.

— Откуда ты знаешь про борщ?

— У нас был один русский турист. Он всё время говорил про борщ и про то, что у нас не так свёклу режут. Я запомнила.

Алексей рассмеялся. Лейла впервые улыбнулась — уголками губ, сдержанно, но всё же.

Через неделю в кафе появился ещё один человек — юный племянник Саида, Карим. Ему было девятнадцать, он ничего не умел, но зато умел быстро мыть посуду и не задавать лишних вопросов. Алексей взял его на подмогу.

Теперь в кафе была команда: Лейла на кухне, Карим на подсобных работах, Саид на побегушках и связи с городом, и сам Алексей — на всём сразу.

Кафе обретало не только стены, но и людей. И это было важнее любого ремонта.

До открытия оставалось совсем немного: доделать вывеску, закупить посуду и прогнать пробное меню. Алексей смотрел на свою команду — разношёрстную, неидеальную, но живую — и чувствовал, что всё идёт правильно.

Он больше не был одиночкой в чужом городе. У него появилось что-то вроде семьи.

Глава 8. Меню на двоих

Подготовка к открытию началась с того, что Алексей принёс на кухню две кастрюли, старую бабушкину тетрадь с рецептами и пакет свёклы, купленный на рынке у Халида. Лейла, увидев свёклу, скептически подняла бровь.

— Это для борща, — пояснил Алексей, выкладывая овощи на стол. — Суп такой. Красный, со сметаной.

— Сметана? — переспросила Лейла. — Это как йогурт?

— Похоже, но жирнее. У нас её едят с супом, с блинами, с чем угодно.

Лейла промолчала, но было видно, что идея добавить в суп что-то белое и холодное кажется ей подозрительной. Однако она согласилась попробовать.

Они решили составить меню вместе. Алексей сел за барную стойку с блокнотом, Лейла встала напротив, скрестив руки на груди. Между ними стоял чайник с мятным чаем — по традиции Абдула, который заглянул раньше и оставил его «для вдохновения».

— Начнём с завтраков, — предложил Алексей. — У вас едят лепёшки с мёдом, сыром, оливками. У нас — каши, творог, бутерброды, но всё это скучно. Я предлагаю сделать блинчики. Тонкие, как ваша пицца, но сладкие или с начинкой.

— Блины? — Лейла нахмурилась. — У нас есть багир — пористые лепёшки из манки. Их едят с мёдом и маслом. Это вкусно.

— Отлично, оставим багир, но добавим русские блины. Я покажу, как их печь. Они получаются тонкими, почти прозрачными. С мёдом, с рыбой, с творогом.

— С рыбой? Блины с рыбой? — Лейла покачала головой. — Это странно.

— Странно, но вкусно. У нас в России есть такое блюдо — блины с красной рыбой. Здесь нет лосося, но есть кефаль или сардины. Можно сделать начинку из копчёной рыбы и сыра.

Лейла поморщилась, но спорить не стала. Она вообще была не из тех, кто спорит о том, чего не пробовал.

Алексей записал первые пункты:

Блины с мёдом и апельсиновым маслом.

Блины с копчёной рыбой и сливочным сыром.

Багир с мёдом и аргановым маслом.

Яйца по-мароккански с томатами и хариссой.

— А что насчёт супов? — спросила Лейла. — У нас есть харира — суп из чечевицы, нута и томатов. Его едят вечером в Рамадан, но и просто так. Очень сытный.

— Харира будет, — согласился Алексей. — И борщ. Только не такой, как в России, а с местной нотой. Например, добавим немного тмина и кинзы. И подавать с лепёшкой, а не со сметаной, если тебе так привычнее.

Лейла задумалась.

— Сметану можно поставить отдельно. Кто хочет — добавит. Но тмин в борще — это уже не борщ.

— Хорошо, без тмина. Но с кинзой — можно?

— Кинза — да. Она свежая.

Так они проговорили весь день. Алексей рассказывал про щи, про уху, про гречку, но Лейла скептически качала головой. Гречку она назвала «мелким камнем» и наотрез отказалась включать в меню.

— Её никто не будет есть, — сказала она. — Здесь не Россия, здесь любят кускус и рис.

Алексей не обиделся. В конце концов, он и сам понимал, что кафе должно быть понятно местным, но знал, что люди открыты для экспериментов, и интересно попробовать новое.

Из горячих блюд они отобрали:

Тажин из рыбы с лимоном и оливками (фирменный рецепт Лейлы).

Тажин из баранины с черносливом и миндалём.

Кускус с овощами (по пятницам, как принято).

Рыба на гриле с салатом из свежих овощей.

Борщ с говядиной (по-русски, но с местной лепёшкой).

Блины с разными начинками (на завтрак и как десерт).

— А что-нибудь русское ещё? — спросила Лейла. — Кроме борща и блинов.

Алексей подумал.

— Есть оливье. Салат с картошкой, морковью, яйцами, солёными огурцами и майонезом.

— Сделаем. У нас есть яйца, масло, горчица. Я могу приготовить домашний майонез.

Только не говори, что это салат из России — скажи, что это салат из детства.

Алексей улыбнулся.

— Договорились. Оливье из детства.

Они решили, что десертами будут:

Медовые блинчики с корицей.

Апельсиновый кекс с миндалём.

Йогурт с мёдом и орехами.

Мятный чай (разумеется).

Алексей предложил добавить сырники — творожные оладьи, но Лейла, попробовав творог, сказала, что он слишком сухой.

— У нас есть свежий сыр, похожий на творог, но нежнее. Можно сделать из него.

— Договорились. Назовём «сырники по-эс-сувейрски».

Лейла хмыкнула, но ей понравилось.

Потом они перешли к напиткам. Кофе по-мароккански с кардамоном, свежий апельсиновый сок, лимонад с мятой и имбирём, и, конечно, мятный чай — его готовила бы сама Лейла, по всем правилам.

— Чай — это святое, — сказала она. — Его нельзя наливать как попало. Нужно с высоты, чтобы пена была.

— Я умею, — сказал Алексей. — Меня Абдул научил.

— Абдул? Ну тогда ладно.

К вечеру у них был черновик меню. Алексей переписал его начисто в блокнот и повесил на стену кухни. Лейла оглядела список и вдруг спросила:

— А что ты будешь готовить сам? Ведь кафе — твоё. Ты должен стоять у плиты.

— Я буду готовить борщ, блины и рыбу на гриле, — ответил Алексей. — Тажины и кускус — твои. Остальное — пополам.

— Хорошо. Но если я увижу, что ты пересаливаешь бульон, я тебя ударю половником.

Алексей рассмеялся.

— Принято. Половник — это по-нашему.

На следующий день они устроили пробную готовку. Алексей испёк блины на старой сковороде, которую привёз с собой из России, — она была чугунная, тяжёлая, и Лейла, посмотрев на неё, сказала: «Как для хлеба в пустыне». Но блины получились тонкими, золотистыми, и Лейла, попробовав кусочек с мёдом, неожиданно кивнула.

— Это вкусно. Похоже на тонкий багир, но нежнее.

Алексей просиял.

Потом Лейла приготовила тажин. Она делала всё медленно, с чувством, будто священнодействовала. Алексей наблюдал, как она выкладывает рыбу, лимоны, оливки, как сыплет специи щепотью, пробуя воздух над кастрюлей. Когда тажин был готов, он попробовал и закрыл глаза.

— Это не еда, — сказал он — это музыка.

Лейла улыбнулась — сдержанно, но искренне.

Они продолжали пробовать блюда, спорили о количестве чеснока, о том, резать лук кубиками или полукольцами, о том, можно ли добавлять в кускус изюм (Лейла сказала, что только по праздникам). Алексей уступил в одних вопросах, Лейла — в других. Постепенно меню перестало быть просто списком блюд: оно стало историей их общего дела.

Через несколько дней Алексей пригласил на дегустацию Абдула, Саида и Карима. Они сидели за столом, пробовали борщ, блины, тажин, оливье, запивали мятным чаем. Абдул вынес вердикт:

— Это будет лучшее кафе на побережье. Потому что здесь есть душа. А когда есть душа, еда всегда вкусная.

Алексей не знал, правда ли это, но очень хотел верить.

Оставалось допечатать меню, закупить посуду, повесить вывеску и выбрать день открытия. Но самое главное уже было сделано: они знали, чем будут кормить людей. И это была не просто еда. Это был диалог двух миров, в котором борщ подружился с тажином, а блин — с багриром.

Глава 9. Разговор на пороге

Вечер опускался на Эс-Сувейру медленно, как будто солнце не хотело уходить за океан. Небо над портом окрасилось в густой оранжевый, и белые стены домов на несколько минут стали золотыми. Алексей сидел на пороге кафе, вытянув уставшие ноги. Рядом на перевёрнутом ящике стояли два стакана с остывающим мятным чаем — Саид принёс его от Фатимы, сказав, что после долгого дня нельзя идти домой с сухим горлом.

Внутри кафе пахло краской и свежим деревом. Лейла давно ушла, Карим подмёл пол и убежал к друзьям. Оставались только Алексей и Саид.

— Ты сегодня молчаливый, — заметил Алексей, глядя, как Саид вертит в руках стакан. — Устал?

— Немного, — Саид пожал плечами. — Но не из-за работы. Просто... иногда вспоминается разное.

Алексей не торопил. За последние недели он научился: в этом городе не принято лезть в душу. Но если человек начинает говорить сам, его нужно слушать.

Саид отпил чай, поморщился — он уже остыл, — и поставил стакан рядом.

— Ты знаешь, почему я так обрадовался, когда ты приехал? — спросил он вдруг.

— Потому что появился иностранец, которому нужен помощник? — предположил Алексей.

— Нет. Потому что я увидел человека, который тоже откуда-то сбежал.

Алексей удивлённо повернул голову.

— Сбежал?

— Ну да. Ты приехал один, с двумя чемоданами, без семьи, без друзей. Так не уезжают в отпуск. Так уезжают насовсем.

Алексей хотел возразить, но промолчал. В чём-то Саид был прав.

— Я тоже хотел уехать, — тихо сказал Саид. — Многие здесь хотят. Молодые смотрят на Европу, на Канаду, на Америку. Думают, что там жизнь легче. Я тоже так думал. Даже начал копить деньги.

— И что остановило? — спросил Алексей.

Саид улыбнулся невесело.

— Мать заболела. Сердце. Ей нужен был уход, а мои сёстры ещё маленькие. Отцу всё равно, он вечно в море, а когда возвращается — пьёт чай и молчит. Я остался.

Он замолчал, глядя на улицу. Где-то за домами кричали чайки, лениво, как будто тоже устали за день.

— Мать умерла два года назад. Сёстрам сейчас четырнадцать и одиннадцать. Я работаю где придётся, чтобы они учились. Мечтал уехать в Испанию, устроиться на стройку, заработать и забрать их. Но не смог оставить их даже на месяц.

Алексей слушал и чувствовал, как внутри поднимается что-то тяжёлое. Он вспомнил свою мать, отца, бабушку. Они остались в России, а он уехал, никого не спросив. Конечно, у него не было младших сестёр, но разве от этого его побег был легче?

— Ты не сбежал, — сказал Алексей. — Ты остался, это труднее.

Саид посмотрел на него долгим взглядом.

— Иногда я думаю, что остался не потому, что сильный, а потому, что испугался. Боялся, что не справлюсь там, в чужой стране. А здесь я хотя бы знаю, куда идти, если что-то случится.

Алексей покачал головой.

— Страх — не слабость. Я сам уехал, потому что боялся остаться. Боялся, что так и проживу всю жизнь, не попробовав ничего настоящего.

Саид улыбнулся.

— Значит, мы оба боимся. Только по-разному.

Они помолчали. С моря подул ветер, принёс запах соли и дыма от уличных жаровен. Над крышами зажглись первые звёзды.

— А кем ты хотел стать? — спросил Алексей. — Ну, до того, как всё это случилось.

Саид задумался.

— Я хотел быть гидом. Водить туристов по медине, по пустыне, рассказывать истории. У меня хорошо получается болтать, ты же видел. Но для этого нужен язык, а я знаю только французский и немного английский. Испанский учил по песням, но так, чуть-чуть.

— Мог бы выучить, — сказал Алексей. — У тебя талант к общению.

— Может быть. Но когда? Я работаю с утра до ночи. А когда кафе откроется, будет ещё больше работы.

Алексей вдруг почувствовал, что эти слова относятся и к нему. Он тоже много работал, но его работа была для мечты. А Саид просто выживал.

— Знаешь что, — сказал Алексей, — если кафе пойдёт, я хочу, чтобы ты стал не просто моим помощником. Ты будешь отвечать за связь с людьми: с поставщиками, с гостями, с теми, кто придёт с улицы. Ты лучше меня знаешь, как тут всё устроено. И языком займись. Я помогу с английским, если хочешь.

Саид замер, потом медленно повернул голову.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно. Ты уже часть этого дела. А когда-нибудь, может, откроешь своё. Или станешь лучшим гидом в Эс-Сувейре. Главное — не переставай мечтать.

Саид смотрел на Алексея, и в его глазах блестело что-то, похожее на слёзы. Но он быстро отвернулся и шмыгнул носом.

— Ладно, — сказал он хриловато. — Тогда я выучу испанский и уеду в Барселону. А ты будешь плакать здесь один.

Алексей рассмеялся.

— Договорились. Только сначала помоги мне открыть кафе.

Саид улыбнулся, уже по-настоящему, и поднял стакан.

— За кафе. И за то, чтобы мы оба когда-нибудь перестали бояться.

Они чокнулись. Чай был холодным, но почему-то казался самым вкусным за весь день.

Ветер с океана усилился, и Алексей почувствовал, как прохлада заползает под рубашку. Он поднялся, потянулся, посмотрел на тёмное небо, на огни порта, на силуэты чаек, спящих на парапете.

— Пойду домой, — сказал он. — Завтра много дел.

— Я зайду утром, — отозвался Саид. — Принесу лепёшки.

Он проводил Алексея до угла, и они разошлись. Алексей шёл по пустым улочкам, и в голове у него звучали слова Саида: «Ты сбежал». Но теперь он знал, что иногда побег — это единственный способ найти себя. И что остаться может быть не менее смелым, чем уехать.

Дома он долго стоял у окна, глядя на минарет, подсвеченный луной. Потом достал телефон и написал короткое сообщение маме: «У меня всё хорошо. Открываю кафе в Марокко. Приезжай, я буду очень этому рад». Ответ пришёл через минуту: «Я всегда знала, что ты уедешь за мечтой. Береги себя, у тебя все получится».

Алексей улыбнулся и лёг спать. Завтра будет новый день, полный забот. Но теперь у него было кое-что ещё — ощущение, что он не один.

Так закончился тот вечер, когда Саид рассказал свою историю, а Алексей впервые почувствовал, что этот город принимает его не как гостя, а как своего. И что кафе — это не просто бизнес, а место, где переплетаются судьбы.

Глава 10. Новая крыша

Прошла почти неделя после того разговора на пороге. Кафе постепенно обретало законченный вид: вывеску уже заказали у местного жестянщика, посуда частично приехала с рынка, а Лейла с Каримом начали отмывать кухню до блеска. Алексей всё чаще ловил себя на мысли, что дело идёт к открытию.

Но одна проблема оставалась нерешённой. Квартира, снятая ещё из России, была оплачена ровно на месяц, и этот месяц почти истёк. Каждый вечер, возвращаясь с кафе, Алексей смотрел на календарь в телефоне и понимал: нужно искать постоянное жильё. Не хотелось затягивать.

Он поделился этим с Саидом в обеденный перерыв. Тот, жуя лепёшку, задумался, а потом вдруг оживился:

— Есть одна русская женщина. Её зовут Анна. Она живёт здесь уже несколько лет, у неё две квартиры в медине — одну сдаёт, в другой живёт сама. Если хочешь, могу спросить.

— Русская? — удивился Алексей. — Надо же.

— Да, из России. Приехала как-то как туристка, да так и осталась. Работает удалённо, на компьютере. Купила две квартиры, одна теперь сдаётся. Хорошая женщина, все её уважают.

Алексей заинтересовался. Вечером Саид принёс телефон Анны, и на следующий день Алексей пошёл смотреть квартиру.

Дом находился недалеко от порта, в тихом переулке, где пахло жасмином и свежестиранным бельём. Дверь открыла женщина лет тридцати с хвостом светлых волос и ясными серыми глазами. На ней было простое голубое платье и плетёные сандалии. Она улыбнулась спокойно, без лишней суеты.

— Вы Алексей? Саид говорил о вас. Проходите.

Квартира оказалась на втором этаже: две комнаты, кухня, ванная. Окна выходили на небольшую террасу, откуда виднелась полоска океана между крышами. Внутри было светло, просто и очень чисто. Старая мебель, но крепкая. На стенах — пара картин с марокканскими пейзажами.

— Сколько? — спросил Алексей, оглядываясь.

Анна назвала цену — чуть выше, чем он платил за прежнюю квартиру, но зато здесь была терраса и постоянный договор.

— Мне нравится, — сказал он. — Согласен.

Она провела его на террасу. Внизу, в палисаднике, цвёл куст олеандра, и запах был густой, сладковатый.

— Вы из России? — спросила Анна, облокотившись на перила. — Я слышала, что вы открываете кафе на улице Скала.

— Да. Почти готово. Осталось вывесить меню и выбрать день.

— В Эс-Сувейре живёт немало европейцев, которым нужно место со знакомой едой. И туристы всегда рады попробовать что-то новое. Если еда будет вкусной — люди потянутся.

Алексей улыбнулся.

— Я стараюсь. Борщ, блины, тажин от Лейлы.

Анна кивнула.

— Лейла — отличный повар. Вам повезло, что она согласилась.

Они ещё немного поговорили. Анна рассказала, что родом из Новосибирска. Пять лет назад приехала в Марокко как туристка — просто посмотреть океан и погреться на солнце. Но город не отпустил: сначала продлила отпуск, потом нашла удалённую работу, которая позволяла не возвращаться в офис. Через год купила небольшую квартиру, ещё через два — вто-

рую. Теперь в одной живёт, другую сдаёт. Замужем не была, живёт одна и, кажется, совсем не тяготится этим.

— Мне здесь спокойно, — сказала она, глядя на закат. — Иногда кажется, что я всю жизнь сюда ехала, только не знала.

Алексей слушал и думал, что они в чём-то похожи.

— Приглашаю на открытие, — сказал он, когда уже уходил. — Если придёте, буду рад.

— Приду, — улыбнулась Анна. — Надо же посмотреть, что здесь за русский борщ.

Он вышел на улицу с лёгким чувством. Жильё найдено, и хозяйка — приятный человек. Впереди было открытие кафе, а значит, новая глава его жизни. Теперь он был не просто гостем в этом городе — у него появился адрес.

На следующий день он перевёз вещи. Комната встретила его запахом чистого белья и лёгким сквозняком с террасы. Алексей поставил на подоконник старую фотографию бабушки, повесил на спинку стула свою рабочую рубашку. Теперь у него было место, куда возвращаться.

А вечером он уже снова стоял на кухне кафе, проверяя, как работает новая плита, пока Лейла колдовала над соусом, а Саид в который раз переставлял стулья. Всё шло своим чередом.

Глава 11. День первый

Утро открытия началось с того, что Алексей проснулся затемно, хотя будильник был не нужен. Он лежал под лёгкой простыней, смотрел в белёный потолок и чувствовал, как внутри всё дрожит — не от страха, а от предвкушения. Так бывало в детстве перед поездкой на море.

Он поднялся, умылся холодной водой, оделся в чистую рубашку, которую специально приберёг для этого дня. На кухне выпил стакан апельсинового сока — из тех, что приносила Анна, — и вышел на террасу. Город ещё спал, только внизу, у пекарни, горел свет, и оттуда тянуло горячим хлебом.

В кафе он пришёл в половине седьмого. Саид уже сидел на пороге, рядом стоял ящик с лепёшками и пучками свежей мяты.

— Я думал, ты вообще не придёшь, — улыбнулся он. — Лейла на кухне с шести. Говорит, что если ты не принесёшь лимоны, она тебя съест.

Алексей рассмеялся и нырнул в прохладный полумрак кафе.

Внутри всё было готово. Столы расставлены, на каждом — маленькая вазочка с веточкой розмарина. Барная стойка отливала свежим лаком, на стене висело меню, написанное от руки на плотной бумаге. Лейла в тёмном фартуке колдовала над большой кастрюлей, от которой поднимался пар с запахом томатов и специй.

— Лимоны, — коротко сказала она, не оборачиваясь.

— Уже несу, — ответил Алексей и поставил корзину на стол.

Они ещё раз прошлись по меню. Борщ доваривался, блины были готовы к первому заказу, тажин томился на медленном огне. Карим натирал стаканы, хотя они уже блестели.

В девять утра Алексей снял с двери старую тряпку, которой прикрывали вывеску. На голубой жестяной табличке белыми буквами было написано: «Кафе “Чайка”». Саид, стоявший рядом, заплодировал, и от этого звука проснулись чайки на соседней крыше — они поднялись в воздух, крича, как будто приветствовали новое место.

Первые гости пришли через час. Это была немолодая пара из Франции — они увидели вывеску, заглянули внутрь и спросили, есть ли кофе и что-нибудь к нему. Алексей усадил их за столик у окна, принёс кофе с кардамоном и блин с мёдом. Потом — ещё блин с копчёной рыбой. Французы ели молча, переглядывались, а в конце попросили ещё кофе и сказали, что обязательно вернуться.

Потом пришёл Ясин. Он долго рассматривал меню, делал вид, что не может выбрать, а на самом деле ждал, когда его начнут уговаривать. Лейла вынесла ему тажин. Ясин съел всё, вытер губы салфеткой и громко объявил:

— Так и быть, не скажу, что не ходил.

К полудню в кафе стало оживлённо. Заглядывали туристы, местные, кто-то из рыбаков. Абдул занял свой любимый ящик у входа и пил чай, комментируя каждого гостя. Саид сби-вался с ног: принимал заказы, бегал за лепёшками, улыбался так, что даже хмурые марокканцы начинали улыбаться в ответ.

Алексей стоял за плитой и пёк блины. Ему было жарко, пар обжигал лицо, но он чувствовал себя на своём месте. Лейла работала рядом, молча, сосредоточенно, иногда бросая на него короткие взгляды — то ли проверяла, то ли одобряла.

Один раз случился маленький провал: Карим перепутал заказы и унёс борщ не тому столику. Гость, немец, долго смотрел на красный суп, потом позвал Алексея и спросил, что это. Алексей объяснил, что это русский свекольный суп. Немец попробовал, кивнул и съел до дна, а потом заказал ещё один. Так борщ неожиданно стал хитом.

Вечером, когда солнце уже катилось за океан, в кафе вошла Анна. Алексей не сразу заметил её — он возился с кассой, что-то записывал. А когда поднял голову, она стояла у входа с букетом олеандров и улыбалась.

— Поздравляю, — сказала она. — Я пришла проверить, не обманул ли ты насчёт борща.

Он усадил её за столик на террасе, принёс борщ со сметаной и лепёшкой, потом — блин с мёдом. Анна ела неспешно, глядя на океан, и время от времени кивала.

— Вкусно, — сказала она наконец. — Как у мамы в детстве. Только мама не добавляла столько перца.

— Это Лейла, — признался Алексей. — Она считает, что без перца еда — не еда.

Анна рассмеялась.

К концу дня в кафе не осталось ни одного свободного столика. Люди пили чай, ели тажин, пробовали блины, и никто не уходил слишком быстро. Алексей смотрел на всё это и не верил, что это происходит с ним.

Когда последние гости ушли, а Лейла с Каримом домывали посуду, Саид подошёл к Алексею и молча пожал ему руку.

— Мы сделали это, — сказал он. — У тебя получилось.

— У нас получилось, — поправил Алексей.

Он вышел на улицу и вдохнул ночной воздух, пахнувший морем и жареным мясом. Звёзды над портом были крупными, как будто их нарисовали специально для этого вечера. Где-то вдалеке играла музыка, и чайки, уже сонные, тихо перекликались на крышах.

Алексей вернулся домой, поднялся на террасу и долго стоял, глядя на тёмную полосу океана. Потом достал телефон и написал маме: «Сегодня открылся. Я счастлив».

Ответ пришёл почти сразу: «Я горжусь тобой. Спокойной ночи, сынок».

Он улыбнулся и пошёл спать. Где-то внизу, в тишине медины, ещё звучал отголосок прожитого дня — как эхо смеха за столиками, как запах мяты и свежих лепёшек.

Кафе «Чайка» начало свою жизнь.

Глава 12. Первые волны

Первые дни после открытия слились для Алексея в один бесконечный поток запахов, заказов и усталости. Он вставал затемно, приходил в кафе раньше всех, варил кофе и смотрел, как над океаном медленно разгорается рассвет. Этот час тишины перед началом дня стал для него почти священным.

Потом приходила Лейла — всегда собранная, немногословная, с корзиной трав и пакетом овощей. Она кивала Алексею и сразу шла на кухню. За ней появлялся Саид, вечно взъерошенный, с новостями: у кого-то в порту сломался двигатель, у кого-то родился ягнёнок, кто-то сказал, что в кафе «Чайка» делают лучший кофе на всей улице. Карим прибежал последним.

Работали слаженно, но уставали так, что к вечеру ноги гудели, а голоса становились хриплыми. Кафе оказалось популярнее, чем Алексей ожидал. Туристы фотографировали вывеску, европейцы, живущие в Эс-Сувейре, заходили на обед, местные присматривались, пробовали и возвращались с друзьями.

Но вместе с успехом пришли и первые трудности.

На третий день после открытия в кафе погасла кофемашина. Старая, купленная по совету Саида на рынке Аль-Хад, она вдруг зашипела, выпустила облако пара и умолкла. Алексей, не растерявшись, начал варить кофе в турке на плите. Получалось дольше, но гости не жаловались. Саид бегал к мастеру, и тот починил машину за два дня, взяв с Алексея обещание «не мучить её так сильно».

На четвёртый день закончилась кефаль. Юнес, главный поставщик рыбы, не вышел в море из-за сильного ветра. Алексей придумал заменить рыбу на блюда с бараниной и курицей, но несколько гостей, пришедших именно за рыбным тажином, расстроились. Лейла, не терпевшая недовольства, сама вышла к ним и предложила тажин из баранины с черносливом. Гости попробовали и остались довольны, но для Лейлы это был урок: она не любила, когда кто-то уходил недовольным.

На пятый день Алексей понял, что им не хватает рук. Саид разрывался между залом и кухней, Карим мыл посуду так быстро, что однажды разбил тарелку, и потом весь вечер ходил виноватый, пока Лейла не сказала: «Разбил — к счастью. У нас тут вообще всё к счастью, кроме пустых столов».

Алексей поделился проблемой с Саидом. Тот задумался, а на следующий день привёл в кафе невысокого парня с аккуратной стрижкой и спокойным взглядом.

— Это Джамаль, — сказал Саид. — Раньше работал официантом в кафе у порта. Знает английский, французский и ещё немного испанский.

Джамаль поздоровался, вежливо, но без подобострастия. Алексей поговорил с ним несколько минут, спросил про опыт, про график. Парень отвечал коротко и по делу. Его взяли на испытательный срок.

И не прогадали: уже к вечеру Джамаль освоился, ловко носил подносы, успевал перекинуться парой слов с гостями и ни разу не перепутал заказ. В кафе стало чуть легче дышать.

В один из тех первых дней, когда солнце уже клонилось к закату, в кафе зашла Анна. Алексей стоял за барной стойкой, вытирал стаканы и не сразу её заметил. Она села за угловой столик, положила на стол небольшой пакет.

— Это от меня. «Для кафе», — сказала она, когда Алексей подошёл.

В пакете была деревянная табличка с надписью «Открыто / Закрыто» — простая, но изящная, с выжженными буквами.

— Ты заказывала? — удивился он.

— Нет, сама сделала. У меня есть выжигатель, иногда балуюсь.

Алексей повертел табличку в руках. Она была тёплой, отполированной, с маленьким якорем в углу.

— Спасибо, — сказал он. — Это очень... по-нашему.

Анна улыбнулась.

— Я подумала, что у хорошего кафе должна быть такая. Чтоб люди сразу понимали: им здесь рады.

Он повесил табличку на дверь, и она идеально вписалась в голубую раму. В тот вечер Анна задержалась дольше обычного. Они говорили о разном: о том, как тяжело вставать по утрам, о фильмах, о том, что в Эс-Сувейре лучшие закаты, но худшие комары у воды. Алексей ловил себя на том, что ему легко с ней. Легче, чем с кем-либо за последние месяцы.

Но он не позволял себе думать об этом слишком много. Кафе было главным, а всё остальное — как волны: приходят и уходят.

Через неделю после открытия случился первый по-настоящему тяжёлый день. Утром пришёл инспектор по санитарным нормам — строгий мужчина с тонкими усами, который долго ходил по кухне, заглядывал в кастрюли, нюхал холодильник и делал пометки в блокноте. Потом он указал на полку с посудой и сказал, что она должна быть закрыта. И что вытяжку нужно чистить чаще.

Алексей выслушал, пообещал исправить. Инспектор ушёл, оставив после себя холодок. Лейла, стоявшая всё это время с каменным лицом, вдруг тихо сказала:

— Это Хамид. Он давно точит зуб на кафе Хассана. Теперь будет приходить чаще.

— Почему?

— Потому что ему нужен повод. Не давай ему шанса.

Алексей запомнил. В тот же день он купил защитные крышки для полок, почистил вытяжку и даже заменил лампочку над входом, которая мигала.

Но несмотря на усталость, на мелкие поломки и визиты проверяющих, в кафе было хорошо. Люди приходили, ели, смеялись, оставляли чаевые. Абдул почти каждый день сидел у входа со своей канарейкой и рассказывал прохожим, что «русский из “Чайки” варит лучший борщ от Атлантики до Сахары». Саид всё чаще задерживался вечерами, помогая Лейле убирать кухню. Она сначала ворчала, а потом привыкла. Однажды Алексей заметил, как Саид подал ей полотенце, и она взяла его без слов. Между ними появилась какая-то спокойная связь, не требующая объяснений.

Алексей смотрел на них и думал, что, возможно, его кафе делает для этих людей то же, что и для него: даёт место, где можно быть собой.

Так прошли первые дни после открытия. Тяжёлые, шумные, пахнущие жареным луком и морской солью.

Глава 13. Под звёздами

Тот вечер начался обычно. Алексей закрыл кафе позже обычного — задержались двое туристов, которые никак не могли выбрать между борщом и тажином, а потом ещё минут сорок пили чай и смотрели на океан. Когда он наконец проводил их, на улице уже стемнело, и фонари над входом отбрасывали на мостовую тёплые жёлтые пятна.

Он как раз запирал дверь, когда услышал за спиной шаги. обернулся — Анна.

— Я проходила мимо, — сказала она, хотя было видно, что не просто проходила: в руках у неё был бумажный пакет с апельсинами, а сама она, похоже, вышла на позднюю прогулку. — Ты уже закрылся? Жаль. Я хотела попросить стакан чаю.

— Сейчас мы все устроим, — улыбнулся Алексей и снова открыл дверь.

Он провёл её внутрь, зажёл свет над барной стойкой, поставил чайник. Через несколько минут по кафе поплыл густой мятный аромат. Анна села за стойку, положила апельсины на стол и огляделась.

— Здесь вечером совсем другое место, — сказала она. — Будто время останавливается.

Алексей налил чай в два стакана, один подал ей. Они сидели в полумраке, пили и молчали. Было тихо, только за стеной шумел океан да где-то далеко слышались обрывки чьей-то песни.

— Пойдём пройдемся? — вдруг предложила Анна. — А то я целый день просидела за компьютером, а воздух сегодня особенный.

Алексей согласился. Они вышли, и Анна повела его в сторону крепостных стен, туда, где старый бастион нависал над океаном. Ночная медина встретила их тишиной: лавки были закрыты, ставни опущены, только кое-где горел свет в окнах. Пахло нагретой за день пылью и морем.

— Я люблю это время, — сказала Анна, когда они поднялись на смотровую площадку. — Днём тут слишком много звуков. А ночью слышно, как дышит океан.

Они остановились у парапета. Внизу, в темноте, белели гребни волн. Над головой раскинулось небо, усыпанное звёздами — крупными, яркими, почти незнакомыми. Алексей поднял голову и замер.

— У нас в Екатеринбурге такого не увидишь, — сказал он. — Свет, тучи, дома. А здесь... как будто в планетарии, только настоящее.

Анна улыбнулась.

— Я, когда сюда приехала, первые недели не могла спать. Выходила сюда и смотрела. Особенно на Орион. Он здесь другой, ниже и ближе.

Они снова замолчали. Ветер был мягким, тёплым, пах солью и йодом. Анна облокотилась на шершавый камень, и Алексей вдруг подумал, что в этом городе она кажется на своём месте — спокойная, уверенная.

— Почему ты осталась? — спросил он. — Что тебя удержало?

Анна не ответила сразу. Она смотрела на горизонт, где море сливалось с небом, и чуть щурилась.

— Я приехала просто отдохнуть. Месяц, не больше. Но здесь время идёт иначе. Сначала я не заметила, как прошла неделя. Потом — вторая. Потом я перенесла обратный билет. А когда вернулась домой, поняла, что не хочу жить так, как раньше. И через полгода уехала снова, уже насовсем.

— Ты не боялась? — спросил Алексей.

— Боялась. Особенно первое время. Но здесь как-то быстро учишься жить без страха. Потому что если боишься — уезжаешь. А если остаёшься — значит, уже готов.

Он кивнул. Ему было знакомо это чувство.

— Я тоже боялся, когда ехал сюда. Даже в самолёте думал: «Зачем всё это? Можно было просто сменить работу». Но потом снова увидел этот океан — и всё встало на свои места.

Анна повернулась к нему.

— У тебя глаза горят, когда ты говоришь о кафе. Я такое видела у людей, которые нашли своё.

Алексей смутился, опустил взгляд.

— Просто я долго жил не своей жизнью. А теперь — своей.

Они спустились со смотровой и пошли по пустым улочкам. Анна показывала ему, где лучше покупать мёд, где пекарь открывается раньше всех, где живёт старик, который делает лучшие корзины в медине. Алексей слушал и запоминал. Ему нравилось, как она знает город — не как туристка, а как человек, который здесь живёт по-настоящему.

Они дошли до дома Анны. Над дверью горел маленький фонарь, и в его свете её лицо казалось совсем юным.

— Спасибо за прогулку, — сказала она. — Давно не гуляла вот так, без цели.

— Я тоже, — честно ответил Алексей. — Скажи, а те апельсины, которые ты принесла... они для кафе?

— Конечно. Из сада у одного знакомого. Очень сладкие. Попробуешь завтра.

Он улыбнулся.

— Тогда жду тебя на дегустацию.

Анна кивнула, открыла дверь и скрылась в темноте лестницы. Алексей ещё немного постоял, глядя на закрытую дверь, потом повернулся и пошёл к себе.

Ночной город дышал ровно, спокойно. Океан шумел за стенами, и звёзды висели так низко, что, казалось, до них можно дотянуться. Алексей вдруг понял, что впервые за долгое время ему не хочется, чтобы ночь заканчивалась.

Но завтра будет новый день. Кафе, гости, суета. А эта прогулка — как маленький подарок, который он сохранит в памяти.

Он вошёл в квартиру, вышел на террасу и ещё долго смотрел на небо. Где-то там, над крышами, горел Орион — тот самый, который Анна показывала. И Алексей улыбнулся, потому что впервые не чувствовал себя одиноким под этими звёздами.

Глава 14. Второй повар

Через месяц после открытия Алексей поймал себя на том, что живёт от плиты до кровати. Он почти не видел города, о котором мечтал. Знал дорогу от квартиры до кафе, рынок, порт и лавку Ахмеда. Всё остальное — крепостные стены, пляжи, узкие улочки медины, о которых рассказывал Саид, — оставалось для него закрытым, как книга, которую некогда открыть.

Однажды утром, когда Лейла резала лук для тажина, а Карим разгружал корзины с овощами, Алексей сел напротив неё и сказал:

— Нам нужен ещё один человек на кухню.

Лейла не подняла глаз, только нож застучал чуть быстрее.

— Я справляюсь.

— Я знаю. Но мы работаем втроём, а заказов всё больше. Ты не должна стоять у плиты по двенадцать часов. И я тоже хочу иногда видеть океан не через окно кухни.

Она наконец посмотрела на него. В её взгляде не было обиды, скорее раздумье.

— И кого ты хочешь взять? — спросила она. — Чужого человека на кухню пускать нельзя. Он должен понимать, что это не просто работа.

— Поэтому я и советуюсь с тобой.

Лейла помолчала, потом вытерла руки о фартук.

— Есть одна женщина, Хабиба. Она раньше готовила в кафе у крепостной стены, но то кафе закрылось. Сейчас сидит дома, растит внуков. Готовит так, что муж с ней прожил сорок лет и ни разу не пожаловался.

— Она согласится? — спросил Алексей.

— Если по-хорошему попросить, да. Только ей нужно неполный день: утром пришла, к обеду ушла. И чтобы пятница была выходная.

Алексей кивнул. Хабиба пришла на следующий день. Это была женщина лет пятидесяти пяти, плотная, с сильными руками и спокойным лицом. Она оглядела кухню, провела пальцем по столешнице, заглянула в кастрюлю с бульоном и сказала:

— Бульон неплохой, но лавровый лист вы кладёте слишком рано. Он горчит.

Лейла едва заметно улыбнулась. Алексей понял, что это одобрение.

Хабибу взяли. Она приходила к восьми, готовила кускус, тажин, помогала с заготовками, а в два часа уходила к внукам. Лейла получила возможность заниматься соусами и горячими блюдами, а Алексей — выходить из кафе днём на два-три часа, чтобы просто гулять.

В первый же свободный день он отправился к крепостным стенам, о которых так много слышал. Прошёл вдоль старого бастиона, спустился к рыбацкому пляжу, где мальчишки играли в футбол, а старики чинили синие лодки. Он сидел на тёплом камне, смотрел на волны и впервые за долгое время никуда не спешил.

Вечером, когда кафе начало наполняться гостями, он вернулся. Лейла стояла у плиты, Хабиба отмывала посуду, Саид разговаривал с Джамалем о том, как лучше расставить стулья. Всё шло своим чередом. Кафе больше не держалось на одном человеке — оно стало общей работой.

Алексей вышел на улицу и набрал сообщение Анне:

«Сегодня у меня было три свободных часа. Я сидел у океана и смотрел на чайк. Кажется, я начинаю узнавать этот город».

Анна ответила:

«Это только начало. Скоро ты захочешь увидеть пустыню».

Он улыбнулся, спрятал телефон и вернулся в кафе. Впереди была долгая дорога, но теперь у него появилось время, чтобы по ней идти.

Глава 15. Песня Абдула

В один из дней, когда солнце стояло высоко и жара казалась особенно густой, Алексей вышел из кафе на улицу. Внутри было прохладно и пахло свежим кускусом — Хабиба как раз сняла кастрюлю с огня, — но ему захотелось воздуха.

У входа на своём неизменном деревянном ящике сидел Абдул. Канарейка в клетке, висевшей рядом, тихо щебетала, но сам старик был необычно молчалив. Он не поднял руку, не улыбнулся, и это сразу бросилось Алексею в глаза.

— Ты сегодня не в духе, — сказал он, присаживаясь рядом на корточки.

Абдул пожевал губами, посмотрел куда-то в конец улицы, где мираж дрожал над камнями.

— Старые кости болят к дождю, — ответил он, но Алексей не поверил.

Они помолчали. Саид пробежал мимо с пакетом лимонов, Джамаль вышел проводить гостей, а Абдул всё так же смотрел вдаль, будто искал кого-то в толпе.

— Пойдём, выпьем чаю, — предложил Алексей, поднимаясь. — Я сегодня свободен до вечера.

Абдул медленно встал, взял клетку с канарейкой, и они пошли к чайной Фатимы. Там, в прохладном полумраке, он наконец заговорил.

— Ты знаешь, что я был моряком? — спросил он, вертя в руках стакан с чаем.

— Саид что-то упоминал.

— Я ходил на испанских и португальских судах. От Касабланки до Дакара, от Дакара до Лиссабона. Тогда всё было проще: молодость, ветер, соль на губах. Я думал, что весь мир будет моим.

Он усмехнулся, отпил чай.

— А потом встретил Марьям. Она сидела у фонтана в Марракеше и ела финики. Я подошёл и украл один. Она засмеялась, и я понял, что дальше не поплыву.

Глаза его потеплели.

— Мы прожили тридцать два года. Родили сына. Построили дом. Держали маленькую лавку. Потом Марьям заболела. Я продал лодку, которую берёг для внуков. Но её не спасли.

Он замолчал. Фатима, сидевшая за стойкой, тихо переставляла банки, делая вид, что не слушает.

— Сын уехал в Агадир. Там у него работа, жена, дети. А я остался здесь. С этой канарейкой.

Он кивнул на клетку.

— Канарейку зовут Нур. Она поёт, когда я грущу. Это меня спасает.

Алексей молчал. Ему не хотелось задавать лишних вопросов. Но Абдул сам продолжил:

— У меня есть внучка. Сальма. Ей двадцать два. Умная, красивая, языки знает. Но здесь для неё нет работы. Она ходила по кафе, по офисам, даже в порт — везде говорят «нет». А если что-то и предлагают, то платят копейки или просят работать с утра до ночи без выходных.

Он тяжело вздохнул.

— Теперь она говорит, что хочет уехать. Сначала в Касабланку, а если не получится — в Европу. Я её не виню. Она молодая, ей нужно будущее. Но у меня сердце рвётся, когда я думаю, что она уедет.

Алексей наконец спросил:

— А что она умеет?

— Всё, — Абдул махнул рукой. — Готовить, считать, говорить с людьми. Она помогала в лавке у дяди, вела записи. Хорошо знает английский и французский. Но здесь с этим некуда идти.

Алексей задумался. В кафе они уже справлялись, но была одна вещь, которую никто не делал как следует, — учёт. Записи о расходах, выручка, заказы у поставщиков. Он вёл это сам, но часто в спешке ошибался. А ещё кафе могло бы привлекать больше туристов, если бы кто-то занимался соцсетями или хотя бы меню на английском.

— Абдул, — сказал он осторожно, — может, Сальма согласится помочь в кафе? Не поваром, а с бумагами, с туристами, с меню. Я давно думал, что нам нужен человек, который умеет общаться с иностранцами. А если она знает языки — это вдвойне хорошо.

Абдул поднял голову, и в его старых глазах блеснула надежда.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно. Но я хочу сначала с ней поговорить. Вдруг ей не понравится. Кафе — это не офис, здесь бывает тяжело.

— Она сильная, — быстро сказал Абдул. — И работающая. Скажи мне время на завтра, я приведу её.

Алексей кивнул.

Они допили чай, и Абдул заметно оживился. Уже на выходе он вдруг остановился, обернулся к Фатиме и сказал:

— Слышишь, Фатима? Моя Сальма, может, будет работать у русского. Скажи всем, что мой дом снова станет весёлым.

Фатима улыбнулась:

— Да услышит Аллах твои слова.

Алексей проводил Абдула до его улицы. Старик шёл, чуть прихрамывая, но спина его выпрямилась. Канарейка в клетке заливалась, будто понимала, что настроение хозяина изменилось.

Вечером, когда кафе опустело и команда разошлась, Алексей стоял у окна кухни и смотрел на океан. Он думал о Сальме, о том, как часто молодые вынуждены уезжать из родных мест, потому что дома им нет применения. И о том, что, возможно, его кафе может стать для кого-то не просто работой, а причиной остаться.

Он не знал, получится ли помочь. Но очень хотел попробовать.

Абдул впервые за долгое время заснул в ту ночь не под грустную песню канарейки, а под шум волн, которые, как ему казалось, стали чуть ласковее.

Глава 16. Сальма

На следующий день после разговора с Абдулом Алексей пришёл в кафе раньше обычного. Он немного нервничал: ему предстояло встретиться с Сальмой, и он не знал, чего ожидать. Абдул говорил о ней с такой любовью, что Алексей боялся разочаровать старика, если вдруг что-то пойдёт не так.

Сальма пришла в сопровождении деда. Она была невысокой, с тёмными волнистыми волосами и живым, внимательным взглядом. Одежда — простая, но аккуратная: светлая блуза, джинсы, лёгкий платок на плечах. Держалась она спокойно, но Алексей заметил, как она нервно крутит браслет на запястье.

Абдул остался у входа, делая вид, что рассматривает чаек, но явно прислушивался к разговору.

Алексей предложил Сальме сесть за угловой столик и принёс два стакана чая.

— Твой дед говорил, что ты ищешь работу.

— Да, — ответила она по-французски, чётко и без акцента. — Мне нужна работа. И не просто какая-нибудь. Я хочу делать что-то полезное.

Алексей рассказал ей о кафе: что оно только открылось, что команда небольшая, что нужен человек, который возьмёт на себя учёт, поможет с туристами и наведёт порядок в бумагах. Он честно предупредил, что работа не сахар: придётся иногда помогать в зале, если будет наплыв, и считать выручку по вечерам.

Сальма слушала внимательно, не перебивая. Потом сказала:

— Я могу больше. Я веду страницы в интернете для одной женщины, которая сдаёт риад. Могу сделать страницу для кафе. И меню на английском, отвечать на отзывы туристов.

Алексей обрадовалась эта бойкость и настрой.

— Это было бы отлично, — сказал он. — Но тогда нужно обсудить оплату и график.

— Давайте обсудим, — спокойно ответила Сальма.

Они договорились быстро. Сальма будет работать пять дней в неделю, с утра до обеда, и получать небольшую, но достойную по местным меркам зарплату. Если кафе пойдёт лучше — Алексей пообещал пересмотреть условия.

— Сначала покажи, что умеешь, — сказал он. — А дальше посмотрим.

— Покажу, — улыбнулась Сальма, и впервые за разговор её лицо смягчилось.

Она вышла на улицу к деду. Абдул, услышав, что её взяли, сначала не поверил, потом обнял её, и они вместе пошли домой, о чём-то тихо разговаривая.

На следующий день Сальма появилась в кафе с блокнотом и ноутбуком. Она сразу взялась за дело: переписала меню на английский, аккуратно оформила его на плотной бумаге, разложила счета по папкам. К обеду она уже знала, где что лежит, и даже починила заевшую дверцу шкафа в подсобке.

Лейла сначала наблюдала за ней искоса, но к вечеру призналась Алексею:

— Толковая. И не лезет на кухню без спроса. Это хорошо.

Саид был в восторге:

— Она знает английский лучше, чем я знаю арабский! Теперь я буду учиться у неё.

Сальма быстро стала частью команды. Она разговаривала с туристами, советовала, что попробовать, объясняла разницу между тажином и кускусом. Иностранцы тянулись к ней: с ней было легко и спокойно. Она не навязывалась, но всегда оказывалась рядом, когда нужна была помощь.

Через неделю кафе заметно оживилось: туристы стали заходить чаще, а некоторые возвращались, потому что их хорошо встретили. Алексей видел, что Сальма не просто выполняет работу — она вкладывает в неё душу.

Абдул теперь каждый день сидел у входа с канарейкой и с гордостью смотрел, как его внучка выходит из кафе, чтобы помочь очередному гостю. Однажды он сказал Алексею:

— Ты не просто дал ей работу. Ты вернул её мне.

— Она сама вернулась, — ответил Алексей. — Просто ей нужно было место, где её заметят.

Абдул покачал головой:

— Такие, как ты, не понимают, что иногда одно доброе слово важнее денег. Ты не просто место дал, ты поверил.

Вечером, закрывая кафе, Алексей подумал, что Абдул, как всегда, прав. Люди здесь решают всё. И если он сможет помочь хотя бы одному человеку остаться рядом с теми, кого любит, значит, всё, что он затеял, имеет смысл.

Так в кафе «Чайка» стало на одного человека больше. И этот человек принёс с собой не только порядок в бумагах, но и ту особую тишину, которая бывает у людей, нашедших своё место.

Глава 17. Свадьба на побережье

Всё началось с того, что Саид однажды утром пришёл в кафе не в жёлтой футболке с надписью «No Stress», а в наглаженной белой рубашке, из которой выглядывал воротничок, и с видом человека, которому предстоит нечто очень важное.

Алексей как раз протирал барную стойку. Завидев друга, он удивлённо поднял бровь:

— Ты сегодня какой-то нарядный. Что-то случилось?

— Если бы всё было так просто, — вздохнул Саид и без приглашения плюхнулся на стул у стойки. — Мой друг Ясин женится. Ну, не тот Ясин из муниципалитета, а другой, из порта. Ты его видел: высокий, с татуировкой якоря на предплечье. Так вот, свадьба через четыре дня.

— Поздравляю, — сказал Алексей. — Но у тебя лицо человека, у которого появилась большая проблема, а не радость за друга. Что случилось?

— В этом и проблема, — Саид наклонился ближе и понизил голос. — Они хотели заказать еду у одного большого кейтеринга из Агадира. Но те запросили такую цену, что отец невесты чуть не упал в обморок. А время идёт. И тогда я, дурак, возьми и ляпни: «У нас в “Чайке” готовят не хуже, а дешевле». И теперь вся родня смотрит на меня, как на спасителя.

Алексей отложил тряпку и сел напротив.

— Ты серьёзно? Свадьба? На сколько человек?

— Сорок, может, пятьдесят. И это только ближний круг. На большую гулять не будут — семья небогатая. Но стол должен быть полный. Традиции, сам понимаешь.

— Саид, у нас маленькая кухня. Мы едва справляемся с кафе, а ты предлагаешь за четыре дня приготовить еду на пятьдесят человек?

— Я знаю, знаю, — зачастил Саид. — Но у нас есть Лейла, Хабиба, ты, Карим. Сальма поможет с организацией, Джамаль — с сервировкой. Абдул подскажет, какие блюда обязательны. Я буду таскать, резать, мешать, что угодно. Пожалуйста, Алексей. Это мой лучший друг. Я не могу ударить в грязь лицом.

Алексей помолчал. Он видел, как искренне волнуется Саид. Вздохнул, потёр лицо ладонями.

— Ладно. Но сначала посчитаем, во что это обойдётся, и поговорим с Лейлой. Если она скажет, что не справимся, — так и будет.

Лейла, узнав о просьбе, сначала долго молчала, потом медленно произнесла:

— Сорок человек. Кускус, тажин, мясо, рыба, салаты, хлеб, сладости. Это не ужин в кафе. Это праздник. Но если взяться — успеем.

— Ты согласна? — не поверил Саид.

— Согласна. Но ты будешь чистить морковь до тех пор, пока не похудеешь. И Хабибу позови, одна я с этой горой не справлюсь.

Так началась подготовка.

На следующий день кафе превратилось в штаб. Сальма составила список продуктов, Джамаль договорился с Юнесом о рыбе, Алексей закупил рис, муку, сахар, специи. Хабиба привела свою сестру, тихую женщину с фартуком, которая умела лепить сладости из миндаля так, что они получались похожими на маленькие луны.

Лейла руководила процессом, как генерал. На кухне кипели кастрюли, резались горы овощей, а в воздухе стоял аромат, от которого у прохожих кружилась голова.

Саид, как и было обещано, чистил морковь. Через час его руки стали оранжевыми, а рубашка — в пятнах, но он не жаловался. Карим бегал за льдом, за пропаном, за забытыми лимонами. Абдул сидел на своём ящике и давал указания:

— Кускус не должен быть сухим. Полей его бульоном, но не утопи. И не забудь про изюм — без изюма это не свадьба.

К вечеру третьего дня всё было почти готово: два огромных тажина, гора кускуса, десятки салатов, лепёшки, наготовленные у пекаря, и сладости, уложенные в коробки. Алексей смотрел на это изобилие и не верил, что они смогли.

В день свадьбы они погрузили всё в арендованный фургон и поехали к дому жениха. Празднование проходило во внутреннем дворе под открытым небом: столы, составленные буквой «П», украшенные белыми и золотыми лентами. Женщины в ярких кафтанах уже танцевали под звуки барабанов, мужчины сидели отдельно, пили чай и громко разговаривали.

Команда кафе вкатила тележки с едой. Гости сначала смотрели с любопытством, а потом, когда Лейла открыла первый тажин, по двору разнёсся такой аромат, что разговоры стихли.

подавали в несколько заходов. Хабиба и её сестра раскладывали кускус, Сальма с Джамалем разносили тарелки, Алексей помогал нарезать мясо. Саид, в свежей рубашке, носился между гостями, улыбался, шутил, и все называли его «спасителем праздника».

К концу вечера столы опустели. Гости хвалили еду, жених подошёл к Алексею и крепко пожал ему руку:

— Спасибо, русский. Твоя команда спасла мою свадьбу. Моя мать сказала, что лучшего кускуса не ела с тех пор, как сама готовила.

На обратном пути все сидели в фургоне уставшие, но счастливые. Карим заснул на мешке с пустой посудой. Сальма тихо переговаривалась с Джамалем, который вёл машину. Алексей смотрел в окно на ночные огни побережья и чувствовал, как внутри разливается тепло.

— Мы справились, — сказал он Саиду, сидевшему рядом.

— Справились, — эхом отозвался тот. — И знаешь, что? После этой свадьбы к нам выстроится очередь. Все, кто пробовал, будут заказывать еду у нас.

— Пусть только не сразу, — вздохнул Алексей. — Нам бы выспаться.

Саид рассмеялся.

— В этом городе никто не высыпается. Зато все едят вкусно.

Через пару часов, когда они разгрузили посуду и разошлись по домам, Алексей поднялся на свою террасу. Ночь была тёплой, пахла морем и жасмином. Он подумал, что сегодня сделал нечто важное не только для Саида, но и для всех, кто работал рядом. Они стали командой по-настоящему.

И пусть впереди будут новые трудности, этот день останется с ним как доказательство: нет ничего невозможного, если рядом люди, которым не всё равно.

Он улыбнулся и лёг спать. Впервые за много дней ему снился не океан, а стол, полный гостей, и смех, разлетающийся над ночным двором.

Глава 18. Волна заказов

После свадьбы Ясина и его невесты прошло чуть больше недели, а в кафе «Чайка» стали приходить посетители не для того, что поесть, а чтобы заказать банкет. Сначала зашёл молодой марокканец в нарядной джеллабе, долго рассматривал меню, а потом попросил позвать «главного». Алексей вышел из кухни, вытирая руки о фартук.

— Слушаю вас.

— Это вы готовили кускус на свадьбе сына Абделькадера? — спросил гость, строго глядя на него.

Алексей напрягся, пытаясь вспомнить имя жениха. Саид, оказавшийся рядом, быстро шепнул:

— Ясин — сын Абделькадера.

— Да, мы, — ответил Алексей.

Мужчина кивнул с таким видом, будто только что принял важное решение:

— У моей дочери через месяц помолвка. Нужен стол на тридцать человек. Тажин из баранины, кускус, салаты, сладости. Сколько это будет стоить?

Алексей растерялся. Он не ожидал, что после одной свадьбы к ним придут с заказом. Но, быстро взяв себя в руки, попросил номер телефона и пообещал перезвонить с расчётом.

На следующий день зашла женщина в ярком платке — она спросила, могут ли они приготовить угощение на день рождения матери. Ещё через пару дней появились два брата, которые хотели заказать еду на праздник окончания сбора урожая. Все они слышали о свадьбе, о вкусной еде, о том, что «команда русского из “Чайки” кормит, как в лучших домах».

К концу недели Алексей понял: это не случайность. В городе, где всё держится на сарафанном радио, один удачный праздник сделал кафе известным далеко за пределами улицы Скала.

Вечером, когда кафе опустело, он собрал команду за барной стойкой. Лейла стояла, скрестив руки, Хабиба сидела на стуле, устало вытянув ноги, Саид нервно крутил в руках салфетку, Сальма листала записи, Джамаль опирался на косяк, а Карим, как всегда, что-то дожёвывал.

— Нам начали поступать заказы на мероприятия, — начал Алексей. — Небольшие пока, но их всё больше. Люди хотят, чтобы мы готовили для их свадеб, дней рождений, помолвок.

— Я же говорил! — воскликнул Саид. — После той свадьбы о нас будут говорить!

— Говорят, — согласился Алексей. — Но теперь вопрос: что с этим делать?

— Братъ, — просто сказала Лейла. — Раз просят.

— Но у нас маленькая кухня, — возразил Алексей. — Мы едва справляемся с ежедневной работой. А если заказов станет больше, мы просто не выдержим.

— Значит, нужно расширяться, — тихо сказала Сальма, не поднимая глаз от записей. — Или нанять больше людей. Или организовать отдельное направление — выездной кухни.

Все посмотрели на неё. Она подняла взгляд:

— Я посчитала: если мы возьмём хотя бы два заказа в неделю, это уже покроет аренду и даст нам запас. Но для этого нужен человек, который будет заниматься только организацией: принимать заказы, считать продукты, ездить на место. И нужна вторая плита, возможно, аренда соседнего помещения.

Алексей задумался. Идея была здравая, но рискованная. Кафе только встало на ноги, а тут снова перемены. Однако он чувствовал, что упускать такую возможность нельзя.

— Я могу взять на себя организацию, — предложила Сальма. — Всё равно я уже веду учёт и переписку. А с готовкой справятся Лейла, Хабиба и, может, ещё один повар на подхват.

— А я помогу с доставкой и закупками, — вставил Саид. — У меня есть фургон у дяди, он даёт его недорого.

— Я тоже помогу, — подал голос Карим, хотя его помощь чаще всего сводилась к поеданию остатков.

Все засмеялись, и напряжение немного спало.

— Хорошо, — решил Алексей. — Давайте попробуем. Но без спешки. Сначала распишем, что нам нужно, и посчитаем, сколько это стоит. И только потом будем брать заказы.

— А как назовём? — спросил Джамаль. — Надо что-то красивое, чтобы людям запомнилось.

— «Кухня “Чайки”», — предложила Лейла. — Просто и понятно.

Алексей улыбнулся.

— Пусть будет «Кухня “Чайки”».

На следующий день он позвонил Анне. Она как раз была дома, и но согласилась встретиться в кафе.

— Ты что-то задумал? — спросила она, присаживаясь у стойки.

— Мы хотим запустить кейтеринг, — поделился Алексей. — Заказы уже есть, но нужно оформить это как-то по-умному. Возможно, страница в интернете, объявления.

Анна задумалась.

— Я могу помочь с сайтом или с простой страницей в соцсетях. И знаю, где заказать хорошие коробки для доставки еды. Но вам нужен ещё человек, который будет отвечать на звонки и вести переговоры. Сальма справится, но ей нужна помощь.

— Мы как раз думали об этом. Может, найдём кого-то на неполный день.

— Я знаю одну девушку, которая ищет подработку. Она из местных, знает три языка. Могу свести.

Алексей кивнул.

— Буду благодарен.

Они ещё немного поговорили. Анна рассказала, что в Эс-Сувейре кейтеринг — дело перспективное, потому что туристы часто снимают виллы и хотят отмечать праздники с местной кухней. Но нужно быть готовым к тому, что заказчики капризные.

— Как и везде, — улыбнулся Алексей.

В тот вечер он снова сидел на террасе, глядя на океан. Внизу шумела медина, где-то лаяла собака, а в воздухе пахло жасмином. Алексей думал о том, что ещё недавно он был один, с двумя чемоданами и кучей сомнений. Теперь у него была команда, планы, новые заказы. Кафе росло, как живое существо.

И пусть впереди было много трудностей, он впервые чувствовал не только усталость, но и азарт. Тот самый, что заставляет двигаться дальше, даже когда всё не по плану.

Глава 19. Места Анны

Утро началось с сообщения от Анны: «У тебя есть пара часов? Хочу показать места, о которых не пишут в путеводителях».

Алексей как раз стоял на кухне кафе и проверял, как Лейла готовит соус для тажина. Хабиба уже пришла, Сальма разбирала утренние счета, а Саид ушёл в порт за рыбой. В кафе всё шло своим чередом, и Алексей вдруг понял, что может позволить себе уйти на несколько часов. Он отправил ответ: «Через полчаса у фонтана?»

Анна ждала его на углу у старого фонтана, одетая легко — светлое платье, соломенная шляпа, на плече холщовая сумка. Увидев Алексея, она улыбнулась и махнула рукой.

— Куда пойдём? — спросил он, подходя.

— Сначала туда, где тихо, — сказала она. — Потом туда, где вкусно. А потом — смотреть на океан с высоты.

Они пошли по узкой улочке, которая уводила от шумной медины в сторону старого еврейского квартала. Здесь было меньше туристов, пахло известкой и геранью, а на окнах сушились рыбацкие сети. Анна шла уверенно, иногда сворачивая в совсем крошечные переулки, где, казалось, не ступала нога иностранца.

— Это мой любимый маршрут, — говорила она, не оборачиваясь. — Здесь можно идти час и не встретить ни одной группы с гидом. Только местные и кошки.

— Ты знаешь тут каждый камень, — заметил Алексей.

— Почти. Я люблю гулять здесь по утрам, пока город просыпается. Днём тут жарко, а вечером шумно. Утром — самое лучшее время.

Они вышли к маленькой площади, где старик развешивал на верёвках выкрашенные хной ткани. Яркие пятна — жёлтые, красные, оранжевые — колыхались на ветру, как живые. Анна остановилась.

— Вот это место я нашла случайно. Заблудилась в первый месяц и вышла сюда. Здесь красиво, особенно на закате.

Алексей огляделся. Площадь была уютной, с тёмными деревянными дверями и старым фонтаном в центре. В тени сидел седой мужчина и играл на флейте. Звуки были тихие, но пронзительные, и казалось, что они вплетаются в шум города.

Они постояли, слушая флейту. Потом Анна потянула его дальше.

— Теперь туда, где вкусно, — загадочно сказала она.

Она привела его в крошечную пекарню, спрятанную в подвале старого дома. Внутри было жарко, пахло хлебом и анисом. Пекарь, огромный мужчина с руками, покрытыми мукой, улыбнулся, увидев Анну, и что-то сказал по-арабски. Она ответила, и он протянул им два тёплых рогалика, посыпанных кунжутом.

— Это лучший хлеб в городе, — сказала Анна, разламывая свой рогалик. — Попробуй.

Алексей откусил. Вкус был мягким, слегка сладковатым, с ароматом аниса. Он закрыл глаза от удовольствия.

— Ты права. Это волшебно.

Они пошли дальше, жуя хлеб. Анна показывала ему лавку, где продают лучший мёд, — по её словам, его привозят из горных долин; старую кофейню, где варят кофе с кардамоном по рецепту, которому больше ста лет; и маленький сад за стеной, куда можно попасть только через дыру в заборе, если знать, где искать.

Алексей слушал, смотрел, запоминал. Ему нравилось, как Анна рассказывает: без пафоса, с лёгкой улыбкой, как о чём-то очень личном. Он ловил себя на том, что не думает ни о кафе, ни о заказах, ни о завтрашнем дне. Впервые за долгое время он просто был здесь и сейчас.

Потом они поднялись на старый бастион — туда, где недавно ночью гуляли под звёздами. Днём отсюда открывался совсем другой вид: океан, пронзительно-синий, с белыми гребнями, рыбацкие лодки, усыпанные чайками, и вдали — остров Могадор, окутанный лёгкой дымкой.

— Смотри, — Анна указала на небольшую бухту внизу, где мальчишки прыгали в воду с камней. — Вот там я люблю сидеть вечером. Когда солнце начинает садиться, вода становится золотой. Однажды я видела, как там плавали дельфины.

— Дельфины? — переспросил Алексей. — Прямо здесь?

— Да, иногда они заходят в бухту. Это редкость, но мне повезло.

Он посмотрел туда, куда она показывала. Бухта действительно была красивой: тёмные скалы, песчаный клочок, блестящая вода. Ему вдруг захотелось когда-нибудь увидеть там дельфинов вместе с ней.

— Спасибо, что показала всё это, — сказал он тихо. — Я будто заново увидел город.

Анна улыбнулась.

— Мне самой было нужно напомнить себе, за что я его люблю. Иногда за бытовыми делами забываешь.

— Ты так говоришь, будто живёшь здесь десять лет, — заметил он.

— Пять, — поправила она. — Но иногда мне кажется, что я жила тут всегда.

Они спустились вниз, прошли через порт, где рыбаки уже разгружали улов. Пахло солью и рыбой, чайки кричали над головами. Алексей поймал себя на том, что не хочет, чтобы прогулка заканчивалась. Но солнце уже клонилось к закату, и нужно было возвращаться.

— Проводишь меня до дома? — спросила Анна, когда они остановились у выхода из порта.

— Конечно.

Они пошли по знакомой улочке, где пахло жасмином. У двери Анна остановилась, сняла шляпу и посмотрела на Алексея долгим взглядом.

— Хорошо, что ты согласился погулять. Мне было... спокойно.

— Мне тоже, — ответил он. — Теперь у меня есть свои любимые места в этом городе.

Она улыбнулась, и что-то тёплое промелькнуло между ними — без слов, без обещаний. Просто два человека, которым хорошо вместе.

— Завтра, может, зайдёшь в кафе? — спросил Алексей. — Я сделаю тебе кофе с кардамоном. Ты ведь так и не попробовала.

— Договорились, — сказала Анна и скрылась за дверью.

Алексей постоял немного, глядя на закрытую дверь, потом развернулся и пошёл к кафе. На душе было легко. Впереди его ждали дела, команда, вечерняя суeta.

Глава 20. Выездная кухня

После т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.